

Русский Маше-Кристинь

Валерий Борисов

Валерий Борисов

Русский Монте-Кристо

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19385750
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Главный герой книги – талантливый художник, мечтающий о славе. Вероломный друг из-за любви к одной девушке упекает соперника в места лишения свободы – на Колыму. Почти как у А. Дюма. Но российская романтика намного страшнее французской реальности. Герою пришлось в жестоких схватках отстаивать свою честь и достоинство. Старый зек перед смертью посвящает его в тайну колчаковского золота, спрятанное в годы гражданской войны на севере – в районе вечной мерзлоты. Герой едет в указанное место и находит золото. Но на него уже претендуют другие. Кровавые схватки, смертельные погони...

Содержание

Необходимое разъяснение читателю о том, как автор познакомился с Русским Монте-Кристо	4
Часть 1	59
1	59
2	73
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Валерий Борисов

Русский Монте-Кристо

Необходимое разъяснение читателю о том, как автор познакомился с Русским Монте-Кристо

Мы с женой остановились для отдыха недалеко от Неаполя, в небольшом пансионате с громким названием «Везувий» – здании из дикого камня и кирпича в четыре этажа, с ухоженным парком и пальмовыми аллеями, выходящими прямо на песчаный пляж Тирренского моря. Стоял август – самое прекрасное время для отдыха в южной Италии – море фруктов, море ласковой соленой воды, море красивых и отзывчивых итальянцев, море всего самого прекрасного в Калабрии.

Было жарко – полдень только миновал. Навстречу нам, с многообещающей улыбкой, выпорхнула управляющая пансионатом, как она представилась, синьора Джулия – молодая дама средних лет. Моя жена, знавшая немного итальянский, стала с ней разговаривать, но получалось плохо и

мы перешли на английский, которым синьора Джулия уверенно владела. Узнав, что мы из России, она стала восторженно расхваливать моих соотечественников, прибавляя в свой английский, для образности, итальянские слова и выражения, которые я не понимал, но чувствовал – о нас говорят восторженно. Я правильно чувствовал. Сейчас многие русские, закатывая свои огромные, черные от туши и теней глаза Джулия, отдыхают и путешествуют по Италии. И они, оказывается, просто обожают ее пансионат и постоянно кто-то из русских отдыхает здесь. Синьора Джулия, порхая вокруг нас, восхищенно щебетала о том, что русские занимают самые лучшие и дорогие места в ее пансионате. Умеют великолепно отдыхать, а вечеринки, которые они устраивают, длятся часто всю ночь, а иногда сутки и более. В эти вечеринки, переходящие в утренники, полдники и снова в вечеринки, втягиваются буквально все отдыхающие и обслуживающий персонал, и даже местные жители. И эти круглосуточные вечеринки проходят очень весело: с музыкой, танцами, играми и, обязательно, русскими забавами, где дозволяется все. Но, если проиграл, то надо обязательно исполнять желание выигравшего – фант, так требуют русские обычаи. Конечно же, поглощается при играх несметное количество калабрийского вина, которое, естественно, лучшее в Италии, пива и, обязательно, водки. И только русской, которую некоторые, разгорячившись, пьют почему-то из стаканов, а не из рюмок. Итальянскую водку русские не любят, впрочем, как

и другую европейскую, с сожалением добавила она, видимо, досадуя на то, что итальянские спиртовары не достигли уровня российских. Правда, также со вздохом сожаления добавила синьора Джулия, русские и остальные отдыхающие могут немного поспать днем, а обслуживающему персоналу приходится тяжело – им днем надо работать. Этот размах русских забав она и ее сотрудники ощущают на себе. Но ни она, никто из работающих в пансионате, никогда не обижаются на русских. Наоборот, все готовы оказать любую, даже трудноисполнимую помощь в организации и проведении вечеринок русским синьорам – на что-то намекала управляющая.

Было приятно слышать из уст синьоры Джулии весьма лестную оценку о своих земляках. Но в то же время я знал, что так кутить может только самая минимальная часть моих соотечественников – абсолютное большинство, пока не может себе позволить расслабиться даже в дешевых домах отдыха. Но все же чувство гордости переполнило мою душу – от русского размаха в восхищении за граница.

– Мы так не будем делать. – Ответил я синьоре Джулии, с некоторым сожалением, и она меня правильно поняла.

– Конечно! – Воскликнула она. – Вы же с женой, а не с подругой. Я правильно вас понимаю?

– Си. – Ответил я по-итальянски. Это, наверное, единственное слово в моем итальянском словарном запасе, которое я мог произнести на родном для Джулии языке без акцента.

– Пойдемте, я покажу вам наш пансионат. – Широко улыбнувшись, пригласила пройтись по зданию, управляющая.

Сначала она показала нам ресторан, в котором мы должны были три раза в день питаться и предложила:

– Если желаете завтракать, обедать и ужинать в номере, то вам подадут все туда или куда скажете...

Но я отказался от таких услуг и, довольная моим отказом, синьора Джулия предложила выбрать нам столик самим, за которым мы могли бы кушать три раза в день, в течение всего времени отдыха. Меня радовало, что будет не шведский стол, а нормальные завтраки, обеды и ужины. Ресторан представлял открытую веранду, выходящую в сторону моря и я выбрал крайний, ближе к морю, столик. Джулия что-то крикнула на итальянском и к нам подошел молодой черноволосый красавец-метрдотель, а может, официант. Он с достоинством поклонился нам, дружелюбно улыбнувшись, и выслушал распоряжение управляющей. Потом вынул из кармана блокнот и что-то объяснил Джулии. Та обернулась к нам и сказала по-английски:

– Джованни. – Сначала представила она метрдотеля и пояснила его разговор с ним. – За этим столиком завтракает семья из Дании, в девять часов. Если вам не рано, то вы можете завтракать за этим столиком с восьми часов до девяти. Таким же образом, мы можем решить вопрос с обедом и ужином. Если не возражаете? – И она мило улынулась.

Мы не возражали против такого времени и она, обернув-

шись к Джованни, распорядилась, чтобы он подал нам расписание приема пищи и меню. Но это вовсе не означает, что мы должны скрупулезно ему следовать, продолжала щебетать Джулия. У них всегда найдется столик в нужное для нас время. Также и с меню. Можно выбрать любую кухню: понятно, от русской и, естественно, до итальянской.

Джованни широко, от всей души улыбаясь, протянул нам листок с причудливыми виньетками по краям, где было указано время наших завтраков, обедов и ужинов. Быстрота и непринужденность, с которой был решен этот важнейший для нашей праздной жизни вопрос, просто покорила. Джулия довольная нашей сговорчивостью повела нас дальше, объясняя на ходу – вот бар, где можно в любое время дня и ночи взять спиртное и перекусить, конечно же, если захочется. Но нас и так будут кормить по-русски до отвала, щедро и понимающе улыбалась Джулия. Отдыхающим, обязательно, подают на стол лучшие вина Калабрии. Вечером, когда отужинают отдыхающие, в ресторане играет ансамбль, можно потанцевать и, вообще, повеселиться. Оркестр исполняет любую музыку – понятно, от народной итальянской, от которой весь мир в трепете замирает, естественно, до русской народной, от которой весь мир в восторге плачет. Также можно заказать и другую музыку в интервале – от китайской до негритянской, под которую очень удобно плясать. Так, под мелодичное щебетание, Джулии мы прошли на третий этаж и она представила нам горничную:

– Джина! Она хозяйка на вашем этаже.

Я долгим взглядом разглядывал нарочито яркую блузку горничной, которая плотно облегалась ее загорелые плечи и вызывающе подчеркивала красоту высокого бюста. А если еще и заглянуть в глубь широкого и низкого декольте... – у холостяка могла бы закружиться голова. Но со мной рядом стояла жена и я не мог позволить себе, снова же к сожалению, никакого головокружения. Джина – черноволосая, смуглая, с несколько округлым, но очень милостивым лицом и великолепной фигурой, также как недавно Джованни, широко и от всей души улыбнулась, жертвенно склонив голову перед нами так, что густые блестящие волосы закрыли как бы театральным занавесом ее, по-итальянски открытое лицо, и произнесла по-английски:

– Проходите. Вот ваш номер.

Вмешалась в разговор Джулия и пояснила:

– Это номер первого класса. Из окон открывается изумительный вид на Везувий. Вы его сейчас увидите. Он там вдали и, когда хорошая погода, его прекрасно видно. С видом на море у нас только номера люкс. Вы же заказали первый класс? – Утвердительно спросила она, с милой улыбкой.

Я кивнул в знак согласия. Джулия, видимо, была очень огорчена, что у нас будет вид не на Средиземноморье, а на какой-то там Везувий и успокоила нас, одновременно, предложив:

– У нас есть свободные номера люкс, за небольшую до-

плату вы можете занять один из них?... – Она вопрошающе смолкла.

Но я сказал, что этот номер нам нравится и мы его менять не будем. Вид на далекий Везувий нам более приятен, чем вид на близкое море. На морях мы периодически бываем, а Везувий, может быть, никогда в жизни больше не удастся посмотреть, и мы очень довольны номером. Не мог же я признаться ей в том, что у нас не хватает средств на номер люкс.

Джулия, удовлетворенная моим ответом, снова защебетала:

– Располагайтесь и будьте как дома. Так, кажется, у вас говорят? Джина и все мы, всегда к вашим услугам. Сейчас мы живем только для вас. – Она щедро улыбнулась. – Джина вам все покажет и расскажет. Она в вашем распоряжении на все время вашего отдыха. Я уйду, с вашего разрешения, не буду вам мешать располагаться в номере. Сейчас принесут ваши вещи. – И еще раз ласково улыбнувшись, она ушла.

Джина, которой, собственно говоря, нечего было делать в номере, – там царил образцовый порядок, помогла нам разложить вещи, все время что-то воркуя на ломаном английском, вперемешку с мелодичными итальянскими фразами, и тоже ушла.

Так начался наш отдых в пансионате «Везувий» – трехразовое питание, ежедневное обгорание на горячем морском песке под жарким итальянским солнцем, вечерние прогулки

и ресторан... Скука, признаюсь, ужасная. Это говорю не в упрек итальянцам, они великолепны – просто я не умею отдыхать. Считаю такой отдых, пустой тратой времени. А итальянцы – молодцы! Для тех, кто умеет отдыхать – сделают все, даже невозможное, чтобы яркие впечатления от отдыха остались в памяти гостей на всю жизнь.

Так прошла неделя. Русских, кроме нас не было, вопреки рассказу Джулии. Немцы, датчане, шведы – прекрасные люди, но с ними сложно общаться – они не могут понять нас, нашу мятежную русскую суть. А мы не можем понять их безмятежную суть и живем, как бы, в разных измерениях, хотя лежим рядом на желтом песочке и смотрим в тоже голубое, с редкими кучками облаков, итальянское небо. Что подделаешь? Такие уж мы – русские. Не по-европейски скроены, не по-американски сшиты. Нам надо обязательно о чем-то размышлять и во время отдыха, ковыряться в своей душе и мозгах, не обращая внимания на окружающих. Нам, русским, нужны постоянные душевные страдания, хотя бы мысленно. Но, увы, Италия не может их предоставить. Нет в ее репертуаре страданий – одни радости. Не умеем мы, русские, отдыхать. Ох, как не умеем!

Как я сказал, шла вторая неделя нашего времяпровождения, когда в нашем отдыхе произошли существенные изменения.

Было пленительное по красоте утро и мы с женой, к восьми часам, как предусмотрено нашим расписанием, пришли

завтракать. Но наш столик оказался занятым. Это было так не похоже на предупредительных итальянцев. Возникшую неловкость в отношении нас, сразу же подтвердила реакция Джованни, промчавшегося, как спринтер через весь зал к нам. Сбивчиво, путая английские и итальянские слова, он стал извиняться за непредвиденную накладку и просить, чтобы синьор и миссис – это значит мы, если можно, немного подождали. Стол через несколько минут освободиться и нам быстро подадут, заказанный на сегодняшнее утро, завтрак. Если мы не желаем ждать, то немедленно накроют другой стол. Покончив с извинениями и предложениями, он доверительно произнес:

– Вы знаете, кто завтракает за вашим столом? – И, сделав небольшую паузу, прошептал. – Это русские! Только что приехали из России. Я думал они смогут быстро позавтракать, но они почему-то задерживаются. А вот за тем столом. – Джованни повел глазами к соседнему столу. – Тоже русские. Вам теперь не будет скучно. – Сделал он логически правильный вывод, желая обрадовать нас. Джованни, видимо, заметил, что русские любят земляческие компании и радовался от того, что наш отдых станет еще более привлекательным. – Если желаете, я спрошу этих русских – можно ли вам сесть за ваш столик?

Я кивнул в знак согласия. Джованни подбежал к столику, за которым сидели мужчина и женщина, и заговорил с ними. Потом радостно замахал нам руками, приглашая к столу. Мы

подошли, Джованни с довольной улыбкой – успешно разрешилось это маленькое недоразумение, спросил нас:

– Завтрак подавать?

Мы с женой снова согласно кивнули. Джованни побежал на кухню, а мы сели за стол, в легкие пластмассовые кресла. Пара, сидящая напротив, виновато смотрела на нас и мужчина произнес серьезно, без улыбки, к которой мы привыкли за недолгое время нахождения в «Везувии»:

– Извините нас. Мы не знали, что подошло время вашего завтрака. Утро такое прекрасное и мы загляделись на море. Поэтому задержались. С этого столика открывается великолепный вид на море. Мы стол выбрали сами, место понравилось. Официант не виноват. Извините нас, еще раз? – Мужчина позволил себе улыбнуться.

На вид, ему было далеко за сорок, даже ближе к пятидесяти. Он был черноволос, но наполовину сед. Гладко выбритое лицо, было туго обтянуто тонкой смуглой кожей, под которой выделялся каждый мускул. Со лба, в седину виска, убегал глянцевый шрам. У него был крупные нос и рот, с толстыми губами. Глаза были непонятного цвета, то ли синеватые, то ли черные, в зависимости, с какого угла в них смотреть. Взгляд был серьезен, но дружелюбен.

Его спутница была намного моложе его. Нынче многие новые русские путешествуют и отдыхают не с женами, а секретаршами, чтобы и на отдыхе эффективно осуществлять руководство своими делами. Естественно, продуктивно руко-

водить этими делами можно тогда, когда под рукой имеется, знающая твой бизнес, опытная и надежная помощница. Еще некоторые новые русские, предпочитают отдыхать с племянницами, в крайнем случае, с подругами детства, которые мо- ложе их на несколько десятков лет. Двум последним кате- гориям спутниц, они, обычно, показывают мир из альтру- истически-познавательных соображений. Конечно же, эф- фективное руководство делами и познание мира, не огра- ничивается только теми моментами, которые я назвал. Жиз- ненная и предпринимательская деятельность новых русских намного разнообразнее и насыщеннее.

Так вот, спутница мужчины, на первый взгляд, могла быть отнесена к последней категории. Но, снова же, на первый взгляд. Разница в их возрасте, не позволяла ей быть подру- гой детства этого мужчины, может, она была племянницей? У нее был округлый овал лица и более, чем ее спутник, она была смугла. В ее облике было что-то восточное – в разре- зе черных глаз, небольшом носике и пухлых губках. Черные волосы, ниспадавшие почти до плеч, усиливали сходство с востоком. Вот что я сумел заметить, на первый взгляд, в об- лике новых соотечественников и торопливо воскликнул:

– Что вы! Что вы! Вы нам нисколько не помешали! Мы, наоборот, рады землякам. Если не возражаете, то мы можем вместе с вами за этим столиком кушать. Отсюда, действи- тельно, открывается прелестный вид на море. А приятная окружающая среда, так способствует полноценному аппети-

ту... – Рассыпался я от радости, услышав родную речь. Почему-то, свою радость я связал с едой, будто бы она единственная функция столика.

Мужчина с улыбкой кивнул в знак согласия, в ответ на мою возвышенную тираду.

– Хорошо. Если мы не будем вас стеснять, то расположимся за этим столом. – Он вопросительно посмотрел на свою даму.

Та, в ответ, кивнула: «Да.» Но этого слова не произнесла вслух.

– Да, да! – Торопливо продолжал я. – Вы не представляете, как мы соскучились по родной речи и землякам. А то, извините меня, не с кем даже поговорить по душам!

Мужчина в ответ иронично улыбнулся. Мне показалось на слове «по душам», но я не стал придавать его снисходительной улыбке большого внимания, и продолжал:

– Вон за тем столиком, как сказал Джованни, тоже русские. Познакомимся с ними и образуем здесь маленькую русскую колонию. – Я показал рукой в сторону столика, где сидели двое русских мужчин, и завтракали. – Вот будет весело нам! – Восторгался я новыми перспективами дальнейшего отдыха.

Но мужчина, сидящий напротив меня, почему-то напрягся, что было заметно по его лицу, по которому пробежала мускульная тень, но ответил вежливо:

– Я думаю мы с вами проведем здесь время приятно и с

пользой. – Проговорил он трафаретно.

То, что приятно – мне было понятно, но почему с пользой? Но я не успел задать детализирующего вопроса, или снова разразиться восторгом от встречи с земляком, как тот произнес:

– Вы нас извините, мы пойдем к себе в номер. Нам не пришлось этой ночью толком и поспать. Перелет... переезд. Встретимся за обедом, а после полудня на пляже.

Я был немного обижен его сухим тоном, так не контрастирующим с моей радостью, и смущенно забормотал:

– Да-да... За обедом... На пляже...

К нам, увидев что новые отдыхающие встают из-за стола, спешили Джованни и Джулия. На лице управляющей сияла радостная приветливая улыбка, точь в точь, как утреннее ласковое солнце над лазурным морем. Банально, но это действительно так. Она поздоровалась с нами, с вновь прибывшими и все это одновременно, и с неподдельным чувством доброжелательности:

– Чао! Вам здесь нравится? Незабываемое утро, наслаждайтесь им! О, вас ждет еще много таких несравненных рассветов и закатов! Это наслаждение – просыпающееся море и проснувшееся солнце! Они неразлучны у нас, как влюбленные! Да, у нас никогда, не смогут разлучиться мужчина и женщина. Но пока они здесь. – Уточнила Джулия. – Видите? Вот – берег любви, здесь – море наслаждений, там – таинство лесов и бесконечно нежный поцелуй солнца. – Вся ее пыл-

кая тирада относилась и ко мне с женой, и к вновь прибывшим, и всем, всем, всем! Джованни с приветливой улыбкой молчал, пока хозяйка представляла море, солнце и лес. Но Джулия, после поэтических слов, непосредственно перешла к делам и сказала новой русской паре. – Если не возражаете, я вас проведу в ваш номер люкс, с видом на море!

Мужчина кивнул мне – мол еще встретимся, женщина, также как недавно, извиняюще улыбнулась. Она, кажется, за недолгое время нашей беседы не проронила ни слова. Впрочем, как и моя жена. Они пошли в свои апартаменты-люкс. А нам принесли завтрак. Джованни, как обычно пожелал нам приятного аппетита, и мы приступили к трапезе. Вот, теперь заговорила моя жена:

– Что ты ведешь себя как мальчишка, увидевший новую игрушку! Зовешь их за наш стол, а может мы им не нравимся? Приглашаешь их на пляж! А они устали с дороги. Не видишь сам всего?!

Я попытался возражать – на пляж я их не приглашал, а собеседник пригласил. Но жена продолжала перечислять мои оплошности, которых я успел наделать, оказывается, очень много за такое короткое время знакомства. Удивительно, как это жены умеют портить мужьям настроение – из полета в безоблачных небесах, мигом вернуть их на грешную землю.

Мы с женой загорали на пляже до обеда. Потом, переодевшись в своем номере, мы направились вниз, в ресторан обедать. Пока я замыкал ключом дверь, с противоположной сто-

роны номеров, имеющих выход на террасу, с видом на море, отворилась дверь и мы увидели, выходящих из комнаты, наших утренних знакомых, имен которых до сих пор не знали. Я, будто истинный итальянец, – когда это я успел нахвататься у них радостного отношения ко всем людям – воскликнул, несколько, неуместно:

– Вы уже проснулись?! Идемте обедать. Наступило наше время.

Мужчина приветливо улыбнулся:

– Да, немного передохнули. Пора и осмотреться, где мы находимся.

Женщина также, как и утром, тихо улыбнулась, прошеле- стев одними губами:

– Добрый день.

Мы пошли к лестнице и, спускаясь по ней, увидели еще двух русских, которых мне показал утром Джованини. Я совсем позабыл, что они здесь. Впрочем, их до полудня на пляже не было. Я сказал, обращаясь к мужчине:

– Это же русские? Давайте с ними познакомимся?

Но он, недовольно поморщившись, ответил:

– Мне кажется не стоит с ними знакомиться. Они какие-то нелюдимые. Живут в соседнем от нас номере... – Пояснил он.

– Нелюдимые... – Размышлял я вслух. – А, понял? Они наверное, представители этих... Ну, как их? Меньшинств!

Мужчина, в ответ на мои слова, облегченно вздохнул:

– Да. Может быть. Обычно такие пары избегают контактов с другими людьми, даже со своими земляками. Не стоит мешать их отдыху.

Его спутница впервые, за все время короткого общения с нами, улыбнулась широко и открыто, и мне показалось, что смешинки посыпались из ее глаз. Но вслух ничего не сказала.

Мы сели за столик. Любезный Джованни, как всегда был рядом и протянул нашим новым знакомым меню – видимо, они раньше не сделали заказ. Женщина пробежала глазами меню и попросила макароны и овощи, а мужчина заказал первое и второе.

Я стал разъяснять им, что заказы на завтрак, обед и ужин делаются заранее и все будет исполнено в лучшем виде. Так удобнее. Мужчина с согласием кивал мне в ответ – в следующий раз они поступят также, как и мы. Но им быстро принесли заказанное, и мы начали обедать.

– Да! – Воскликнул вдруг я. – Мы еще не знакомы? Как к вам обращаться?

Мужчина вопросительно посмотрел на женщину. Та покраснела и произнесла первой:

– Меня зовут Ольга Валентиновна. Я учительница. – И она покраснела еще больше.

– Юрий Григорьевич. – Представился мужчина и пожал через стол мне руку. – В общем, бизнесмен, банкир. Как сейчас говорят – новый русский.

Я назвал себя и представил свою жену.

– Ольга, тоже моя жена. – Уточнил Юрий Григорьевич, и переспросил. – Вы писатель? – Он, видимо, был удивлен моей профессией. – Не могу вспомнить ваши произведения.

Я, смущаясь, назвал пару своих книг.

– Да, да. Я, кажется их читал. – Любезно ответил Юрий Григорьевич, чтобы не обидеть меня, как писателя. – В крайнем случае, просматривал.

Но по его лицу было видно, что он моих книг не читал. Его любезность меня не обидела – не все же должны читать мои опусы, и я ответил:

– Ничего. После знакомства с нами, вам обязательно захочется прочитать, что-то мое. Из простого любопытства – с кем вы были знакомы.

– Конечно. Это вы правильно подметили.

Он был очень корректен. Его жена молчаливо кивала головой, в знак согласия с мужем.

Недалеко от нас сидели двое русских, которых мы уже видели и тоже обедали. Потом мы снова поднялись к себе в номера, переоделись для пляжа и вышли в холл. Мы с женой немного задержались в номере, чтобы наши новые знакомые успели собрать все необходимое для пляжа – они ж только приехали и, наверное, не успели полностью распаковать свои вещи. Но к нашему удивлению, они были уже в холле и ждали нас. Пришлось извиниться за свое опоздание и мы пошли к морю.

День был солнечным и мы расположились рядом под большими зонтами. Потом пошли в море. Вода была немного прохладной, как раз то, что нравится отдыхающим. После загорали. Как обычно. Но для меня появилось нечто новое.

Я с интересом разглядывал фигуру Юрия Григорьевича. Он был мускулист, ни капли лишнего жира, что, увы, свойственно нашей вечно недоедающей нации. Но не это привлекло мое пристальное внимание, а многочисленные шрамы разного размера, рассеянные по всему его телу: груди, спине, руках и даже на ногах. Но более всего меня привлекла единственная татуировка на левой стороне груди, на уровне сердца. Это был портрет очень красивой девушки в анфас, с распущенными волосами, но рассеченный наискосок, широким и длинным шрамом, слева направо – две разъединенные половинки одного портрета. Шрам прошел по глазу, носу и губам, изображенного на груди нашего знакомого, портрета девушки и средняя часть татуировки оказалась обезображенной. Но остальное осталось нетронутым. Татуировка с годами, как это часто бывает, не расплылась, а сохранила четкость линий. По ним можно было судить, что девушка не просто очень красива, но и имеет личное отношение к носителю своего портрета. Это была не трафаретная, банальная татуировка женского лица, выкальваемая излишне романтизированными мужчинами на теле, а в нем была индивидуальность изображения, я бы сказал, психологизм. Видимо, между Юрием Григорьевичем и портретом девуш-

ки существовала глубокая связь. Но это был не портрет его жены, – слишком велико между ними изобразительное различие. Наш новый знакомый заметил, что я слишком пристально разглядываю его татуировку, и спросил:

– Заинтересовались? Хоть не раздевайся! Все сразу же обращают на наколку внимание.

– Да. Очень качественная татуировка и девушка красивая. – Оценил, почему-то, я техническую сторону наколки. – Она непроизвольно бросается в глаза любому, кто видит вас в пляжном виде.

– Грехи молодости. – Засмеялся Юрий Григорьевич, но пока не пояснил, что он имел ввиду под грехами. – Сейчас вы поймете откуда у меня такая, как вы выразились, качественная татуировка.

Он достал из пляжной сумки альбом и карандаши, вынул один лист, приспособил его на коленях и, глядя, на мою жену, стал быстро набрасывать рисунок. Я молча и заинтересовано наблюдал за ним. Через несколько минут он протянул ей лист ватмана, на котором была изображена моя дражайшая половина. Портрет карандашом был выполнен вполне профессионально, быстрее и лучше, чем это делают пляжные и уличные художники. Я искренне удивился:

– У вас несомненный дар к живописи! Никогда бы не подумал, что бизнесмен может так профессионально рисовать?

– Писать. – Поправил он меня. – Это мое хобби. Занимаюсь в свободное время и на отдыхе. Вот, когда-то и запе-

чатлел на своей груди тягу к изобразительному искусству. – Иронично и коротко пояснил он наличие на своем теле единственной татуировки.

– Для хобби это слишком хорошо. – Продолжал нахваливать я его работу и, одновременно, демонстрируя свои знания в изобразительном искусстве. Нельзя же, чтобы у него сложилось обо мне мнение, только как о человеке, заикленном на своей писательской профессии. Пусть видит, что и я разносторонняя личность. – Вы этот рисунок оставите нам на память?

– Конечно.

– Тогда подпишите его?

Он взял рисунок обратно, почему-то не сразу, а немного поколебавшись, поставил автограф с датой и вернул портрет моей жене. Потом взял из папки еще один лист и пояснил:

– Хочу сделать набросок, вон того паруса в море. Видите? Красиво, как у Айвазовского, но только не в шторм. Или как у Лермонтова: «Белеет парус одинокий...»

Вглядываясь пристально в море, он начал набрасывать карандашом этюд. Рисунок получился неплохой, но Юрий Григорьевич, оказался им недоволен:

– Не получается. Наверное, не пришло еще вдохновение.

Он начал пририсовывать к рисунку с парусом фигурки полубнаженных отдыхающих, и я заметил:

– У вас получается, как у Иванова. «Отдыхающие на берегу Неаполитанского залива».

Он впервые, за короткое время нашего знакомства, от души рассмеялся. Его жена тоже открыто улыбнулась и смешинки мелкими морщинками окружили ее глаза.

– Да. Почти, как у Иванова. – Улыбаясь, согласился он и положил лист в папку. – Хватит на сегодня. Нет вдохновения. – Повторил он. – Наверное, это потому, что мы только приехали. Пока глазу хватает созерцательной работы. Он просто наслаждается красотой Италии. Мозг не может ни за что зацепиться и задуматься. Все в Италии, как будто на расписной открытке – цвет, колорит, воздух – а мысли нет. Красиво! Это не то, что у нас в России. Там природа заставляет человека думать, будоражит душу, предлагает проникнуть ему в ее самую суть. А здесь... Просто красиво, приятно и спокойно. Наслаждение – без проблем.

Немного погодя, он пошел купаться в море с женщинами, а я подошел к двум русским парням, которые расположились недалеко от нас на пляже, чтобы познакомиться. Они играли в нарды, поглядывая по сторонам и изредка переговаривались между собой.

– Здравствуйте. – Сказал я им, как можно радушнее.

– Здравствуйте. – Как-то нехотя ответили они.

– Я бы хотел познакомиться с вами и предложить совместный отдых.

Они переглянулись между собой и один из них ответил, снова же, нехотя:

– Хорошо. Вот доиграем в нарды, искупаемся и тогда по-

знакомимся ближе...

Они смотрели на меня, если не враждебно, то по крайней мере с большой неохотой, и у меня пропало всякое желание с ними знакомиться.

– Хорошо. – Пробормотал смущенно я и отошел от них.

Немного позже, лежа на песочке и обсыхая от морской воды, Юрий Григорьевич спросил меня:

– Вы подходили к этим двум русским парням, чтобы познакомиться? Не пытайтесь этого делать. Я уже вам говорил о них. Мы с ними вместе летели в самолете, ехали сюда вместе, и я понял, что они очень замкнутые люди. Почему-то не признают своих земляков. Нелюдимы, одним словом. А может их совсем иное интересует? Не будем мешать их отдыху. – Повторил он, тоже самое, о чем говорил немного раньше, а может, попросил меня не вмешиваться в отдых тех, двоих.

Вечером мы совершили прогулку по берегу моря и Юрий Григорьевич снова отметил, как здесь красиво.

– Вот бы здесь поселиться и постоянно жить. И больше ничего не надо в жизни! – Со вздохом произнес он.

Когда мы возвращались в пансионат, то увидели снова тех двух русских, которые как и мы прогуливались по берегу моря, выбивая камнями блины на воде. Но я уже больше не предлагал им присоединиться к нашей компании.

Так прошло несколько дней. Мы подружались с нашими новыми знакомыми, всюду были вместе. Они не пытались

отделаться, под каким-либо предлогом от нас, мы тоже. Такие теплые отношения нам нравились. Женщины подружались более крепко, чем мы – их мужья и, как я понял, доверяли друг другу некоторые семейные тайны. Но моя жена не слишком-то рассказывала мне о них. Всю жизнь считает меня болтуном и слишком наивным в жизненных делах человеком. Тяжело с ней! И так все двадцать лет нашей совместной жизни!

Но кое-что, моя жена о них мне все-таки рассказала. Ольга Валентиновна сообщила ей, что у них двое детей – девочка и мальчик, семи и пяти лет. Но они остались в России, у ее родителей, и она за ними очень скучает и ждет не дождется, когда можно будет вернуться домой. Ольге Валентиновне оказывается всего тридцать три года, а ее мужу намного больше. Это факт вызвал у меня любопытство и я стал подсчитывать, – во сколько же лет появились дети у Юрия Григорьевича. Выходило лет в сорок, как минимум.

«Поздние дети?» – Размышлял я, делясь этим открытием с женой. Но зато полностью отпало подозрение, что банкир путешествует со своей секретаршей. – «А почему она ждет разрешения вернуться домой? Непонятно».

– Но Оля еще достаточно молода и дети у нее появились вовремя. – Возражала мне жена, не поясняя другого момента, высказанного мною.

– Да. Но у них все-таки большая разница в возрасте. Она тебе не рассказывала, когда и как они поженились?

– Нет. Но ты сам знаешь, что нынешние бизнесмены предпочитают молодых жен. И у него это первый брак. Знай это?

– Интересно? – Отвечал я ей, не понимая многого во взаимоотношениях Юрия Григорьевича и его жены. Почему они не взяли в путешествие своих детей? Чего они здесь выжидают? Неужели он холостяковал до сорока лет? Такой красивый мужчина и не мог раньше жениться? Расспрашивать его лично об этом – было не тактично. Юрий Григорьевич в беседах со мной, почему-то, не касался своего прошлого и своей нынешней работы, будто их не существовало. Единственную куцую информацию о них, предоставляла мне моя жена, со слов новой подруги. А мне, почему-то, так хотелось узнать о них больше! Любопытство или писательское чутье? Непонятно.

Через неделю и наши новые знакомые сильно заскучали от нескончаемого моря и теплого пляжа, и мы для разнообразия впечатлений поехали к Везувию. На него не поднимались, но объехали кругом. Посмотрели убежище восставшего Спартака, сход лавы, но в Помпеи не заехали, решили в следующий раз. Глядя на Везувий, Юрий Григорьевич произнес:

– Все здесь красиво, но как бы сделано понарошку. Искусственно, что ли? Одна гора, а рядом холмы. У нас в России, если горы, то их много и надолго – за месяц не объедешь. И красота, не человеком сотворенная, а природой. Она и давит, и возвышает. Слабых ломает, сильным дает дух. Глядя

на Везувий, хочется писать лирические стихи. Проникнув в суть наших гор – сочинишь философские стихи. А может, даже не стихи, а научные трактаты. Вот если бы я писал пейзаж на фоне Везувия, то я уверен, что у меня бы получилась открытка, а не картина. А если буду писать бесплодные скалы Джугджура, то получится картина. Хорошая или слабая, но картина, в которой будет частица твоей души. Но все равно в Италии очень красиво! Она, как бы светлая часть России.

Я не понял его упоминания о Джугджуре. Причем он здесь? Смутно помнил, что это, где-то далеко, на краю России и спросил, неужели он там бывал?

– Да. – Несколько смутившись, ответил он. – Бывал на Дальнем Востоке по коммерческим делам. Природа там – чудо богатырское.

И он смолк, как будто сказал что-то лишнее, и мы поехали обратно.

Когда мы садились в автомобиль, то я увидел двух нелюбимых русских, которые из своей машины, без водителя, визуально осматривали Везувий.

– И они здесь! – Не удержался я и кивнул в их сторону. – Что им здесь надо?

– Наверное, тоже решили посмотреть вулкан. – Ответила моя жена, опередив с ответом моих попутчиков.

Они согласно кивнули в ответ на ее слова и проблема появления этих двух русских отпала. Но меня удивило – поче-

му вдруг моя жена стала отвечать за них?...

Нам оставалось отдыхать еще четыре дня, а нашим, уже без сомнения хорошим знакомым, еще около двух недель.

Погода в тот, запомнившийся мне вечер, выдалась скверная – весь день моросил мелкий надоедливый дождь, море закрылось влажной дымкой тумана. Отдыхающие убивали время в своих в номерах или в баре. Группа немцев, приехавшая на отдых недавно, из-за плохой погоды провела в баре весь день, и к вечеру многие из них были в достаточно веселом состоянии. Оркестр непрерывно играл по их заказу и они целый день гарцевали, в прямом смысле слова, а не танцевали или плясали. В павильоне ресторана стоял страшный шум и грохот. По мере наступления темноты к ним присоединялись новые танцующие, из числа отдыхающих. Было шумно и весело. Мы, поужинав, остались за своим столиком с бутылкой кьянти, и смотрели на бесившихся от безделья людей. Оркестр играл без перерыва рок-н-ролла, твисты, джаз и даже что-то итальянское, типа тарантеллы. Но я могу ошибаться – точно ли была эта мелодия, уж слишком оригинальна была импровизация. Но когда звучали упругие и четкие ритмы итальянского танго и тела танцующих слипались, как пластилиновые, то танцевальное томление достигало апогея. Даже у педантичных и рациональных немцев итальянское танго расслабляло душу и превращало их в кротких малышей, ждущих подарка, от своих пассий. Музыканты по одному-по два уходили покурить или утолить

жажду бокалом вина, но их выпадение из ансамбля не нарушало слаженной игры оркестра. Танго у оркестра получалось интимно-потрясающее и я произнес:

– В итальянских танго больше чувственности, чем в аргентинских. Может потому, что оно воздействует на инстинкты человека. Аргентинское танго великолепно по форме...

– Возможно. – Ответил Юрий Григорьевич. – Европейское и аргентинское танго очень сильно отличается от японского...

– А разве японское танго есть? – Недоуменно перебил я его.

– Есть, и очень своеобразное по технике движений... – Неопределенно ответил Юрий Григорьевич, но пояснить свою мысль не успел.

К нам подошла Джулия, извинилась за ненастье, пообещав на завтра, в крайнем случае, на послезавтра великолепную погоду. А сегодняшний дождь – досадное исключение из привычных правил августовского сезона. Мы пригласили ее присесть за наш столик и она с удовольствием согласилась. Сразу же подскочил Джованни со стулом для своей начальницы, поставил перед ней фужер и всем налил вина.

– Грациас. – Поблагодарила Джулия и выпила за нас.

– Прекрасные у вас имена. – Сказал я. – Такое приятное сочетание букв «д» и «ж» располагает к умиротворению и спокойствию.

– Что вы! – Энергично возразила Джулия. – Да такие име-

на как Джованни, Джузеппе, Джина и подобные им, дают сейчас только в крестьянских семьях. В городе таких имен уже почти не встретишь. Мы все из крестьянских семей.

– Все равно. – Отозвался Юрий Григорьевич. – Такие буквы присутствуют в именах добрых итальянцев и мы, отдыхая у вас, убедились в этом.

По всему видно, Джулии было приятно услышать из уст иностранцев доброе слово о своем имени и она весело ответила:

– Пусть будет Джулия. Раз так называли меня родители, так оно есть и будет.

«Дъжь» она произносила ласково и мягко, как будто между этими буквами был мягкий знак.

– Вам нравится здесь? Вы еще сюда приедете? Обязательно приезжайте, для вас всегда у нас найдется номер.

– Конечно, приедем. – Пообещал я. Юрий Григорьевич и его жена в знак согласия со мной, кивнули в ответ. Они вообще-то мало говорили при нас, а с чужими совсем замолкали. Чтобы завести их на разговор надо было выбрать, уж очень интересную тему. Может быть, исключение составляла его жена. Но она предпочитала разговаривать не со мной, а с моей женой. А моя супруга, как я уже сказал, мне многого из этих разговоров не передавала. Джулия, пригубив вина из фужера, рассказывала:

– Видите, как эти веселятся? – Спросила она и кивнула в сторону пьющей и пляшущей компании, не называя их кон-

кретно по национальности. – Это не веселье, а больше брачные игры, как... – Она не уточнила сравнения. – Вот ваши соотечественники умеют веселиться с такой выдумкой, о которой им и не догадаться. – Она снова кивнула в сторону веселящейся компании. – У вас каждый веселиться по-своему, непредсказуемо. У вас не существует отдельно выпивка, танцы и песни. Вы ставите настоящие спектакли. Я много видела таких спектаклей в исполнении русских. Хотите, расскажу об одном из них?

Мы все охотно закивали головами – давайте рассказывайте! Всегда приятно слушать рассказы о славных деяниях соотечественников, вошедших в мировую историю. В данном случае, историю пансионата «Везувий».

– Месяца два назад у нас отдохали русские. Тоже была плохая погода и они весь день сидели в ресторане. А вечером, в перерывах между танцами, стали проводить конкурс. Кто выпьет полную бутылку водки или коньяка из горлышка, мог выбрать себе самую красивую даму. Но дама тоже должна была выпить целую бутылку вина или водки. Но ей разрешалось пить не из горлышка, а из бокала. Некоторые из дам, выбирали бокал, а не бутылку. Но от водки, большая часть из них отказывалась, а вино пили. Та из дам, которая не выпивала бутылку вина за один раз, обязана была идти с тем русским, который выпил целую бутылку водки, к нему в номер, и там допить ее. В первый раз только две или три синьоры сумели выпить всю бутылку вина и выиг-

рать конкурс у русского. Потом уже не могли – не хватало сил. А их все выбирали и им приходилось идти с русскими в номер. Потом русский возвращался и снова выпивал бутылку водки, выбирал новую красивую синьору и уводил ее в номер, чтобы она там допила бутылку вина. Так они веселились всю ночь. Остальные, кто постарше... – Джулия глубоко и с сожалением вздохнула. – Их русские меньше выбирали, поспорили между собой – кто из русских уведет к себе больше девушек в номер, того и решили объявить победителем. Мы решили среди русских провести такой ответный конкурс. Все синьорины тогда не спали ночь, всем хотелось быть выбранной, а другим выявить победителя. Поверьте! Даже мне самой захотелось стать таким призом. И мое желание сбылось. Когда молодых синьорин осталось немного, меня, уже к рассвету, пригласил выпить русский. Но я в любое время суток нахожусь на работе и, поэтому не могла, выпить всю бутылку. Пришлось идти к русскому в номер. Там на мягких коврах, а у нас вы заметили какие великолепные на полу ковры, лежали полностью обнаженные синьорины и спали. Я не употребляю слова голые потому, что их тела достойны резца Микельанджело. Так пошло нельзя говорить о девушках. Русский даже не прикрывал их простыней – такая была красота. Я насчитала у него пять девушек, значит сама была шестой. Но к утру он стал, уж слишком, пьяным. Почему-то сначала разделся сам, а потом начал снимать одежду с меня, но не смог. Но я бы и не позволила ему этого сделать

– ведь я на работе. Но он уже выпил шесть бутылок водки только в конкурсе и поэтому у него не хватило сил на меня. Упал он на ковер рядом с синьоринами и сразу же заснул. Я их всех прикрыла простынями и одеялами, чтобы не простудились и ушла. Если бы я осталась у него, то он бы выиграл этот смешной конкурс, но у него, к сожалению, как я сказала, не хватило сил. Я вернулась в ресторан и когда ушел с девушкой последний русский, который участвовал в конкурсе, мы поняли, что он уже не вернется. Да и наступило утро. Все, кто не спал и держал пари, решили выяснить – кто же победитель? Пошли по номерам – у одних русских были три синьоры, которые спали, как убитые все вместе на кровати или на полу на коврах. Но это были те, кто меньше всего выбрал синьорин в конкурсе. У того, кто выбрал меня, так пять девушек и осталось. Но, у одного русского, их оказалось, аж целых шесть. Кто следил за ним в ресторане утверждали, что он выбрал пять девушек. А как оказалась в его номере шестая – непонятно. Все девушки были обнаженными, трудно отличить одну от другой. Но я разобралась, что одна из дам – наша Джина. Я растолкала ее и потребовала объяснений, как это она, находясь на работе, приняла участие в конкурсе? Джина нам объяснила, что русский вышел из своего номера и чуть не упал. Он направлялся в ресторан, чтобы продолжать конкурс, а Джина решила помочь ему обратно зайти в номер. Он ее заставил выпить бутылку водки, раздел, а дальше Джина не помнит. Я хотела за нарушение дисципли-

ны ее уволить, но меня уговорили не трогать Джину. Она же не участвовала в конкурсе, а оказывала помощь русскому. Я по натуре добрый человек и не стала ее наказывать. К тому же подумала, если бы я осталась в номере у того русского, то была бы шестой и единоличного победителя не выявили бы. Но, увы, тот оказался немного слабее того, кто был с Джинной. Но я, не Джина, и на работе не позволяю себе лишнего, поэтому тот, который выбрал меня, все равно бы не победил. Так вот, мы присудили первое место тому, в номере которого нашли Джину. Пришлось и ее включить в число конкурсанток, для выявления единоличного победителя. Победитель проснулся только к обеду, словно Цезарь после битвы в Фессалии – все-таки тяжело иметь дело сразу же с шестью девушками. Мы сплели ему лавровый венок и вечером короновали его. Все поздравляли победителя, снова веселись. Этот конкурс так всем понравился, что мы его повторили в день коронавания победителя, снова. Но результаты во вторую ночь, оказались намного слабее, чем накануне. Видимо, два вечера подряд нельзя проводить такой конкурс. Участники сильно устают и им необходим, хотя бы однодневный отдых. До сих пор все помнят этот русский конкурс. Это не просто веселье, а настоящая игра гладиаторов в Риме. Еще русские игры можно сравнить разве, что с футболом. Так захватывает дух от этих конкурсов. Как они всем нравятся и молодым, и более старшим!

Джулия глубоко и, кажется, с жалостью вздохнула от то-

го, что в этот вечер так никто не веселится. А мной снова, как всегда, когда нахожусь я за границей, овладела гордость и восхищение моими соотечественниками. У кого еще найдется столько фантазии, столько силы, столько умения, так ярко и нестандартно отдышаться! Все-таки до чего же незаурядна наша нация! Европейский размер ей нипочем! Только мои земляки могут быть такими неповторимыми и оригинальными! Жить в дружбе со всеми людьми мира и облагораживающе влиять на них, отдавая им всю свою душу и силу! Поэтому и входим мы в анналы истории, без всяких проблем и разъяснений! Вот мы какие – и все тут!

– Но после этого. – С сожалением проговорила Джулия. – Одновременно много русских не отдыхали у нас. А кто был, то все семейные. А русские мужчины в присутствии своих жен, очень сдержаны. Русские мужья самые лучшие в мире и безмерно преданы своим женам. – Похвалила она, то ли конкретно нас с Юрием Григорьевичем, то ли всех русских мужей. Наверное, все-таки всех!

– Да такие конкурсы под силу только холостякам. – Ответил я.

Джулия согласно кивнула. Оркестр, видимо, совсем выдохся и уже не отдельные музыканты, а все пошли отдышаться, дружно покинув сцену. Веселая танцующая компания не возражала, им тоже нужно было отдохнуть.

– Да, русские удивительный народ. – Задумчиво произнес Юрий Григорьевич, который больше молчал в присут-

ствии Джулии. – Если веселиться – чтобы выплескивалась душа наружу, если грустить – чтобы душа выворачивалась наизнанку. Джулия, а вы хотите увидеть грустящего, мечтательного и влюбленного русского? Все одновременно? – Юрий Григорьевич говорил на хорошем английском и его, обычно, напряженное лицо, было сейчас спокойным.

– Конечно! – Немедленно, с искренним душевным порывом, ответила Джулия, возможно, предполагая какой-то игровой конкурс.

– Музыканты ушли отдыхать. Могу я занять место за фортепиано?

– Конечно! – Снова повторила Джулия, но теперь уже с порывом удивления.

Ольга Валентиновна неодобрительно посмотрела на мужа. Но он, как мне показалось, нарочно не взглянул на нее, встал со стула быстро прошел на эстраду и сел за фортепиано. Никто вначале не обратил на него внимания. Только двое русских, с которыми мне так и не удалось найти контакт, напряженно стали смотреть на сцену, что от меня в этот раз не укрылось. Юрий Григорьевич, сидя за фортепиано, крепко сжал пальцы в кулаки несколько раз, потом сплел и выгнул их в обратную дугу – мне даже показалось, что хрустнули суставы, и осторожным, плавным движением положил их на блестящие клавиши. Послышались первые аккорды мелодии, и в них я узнал «Баркаролу» Чайковского. Зал вначале шумел не слушая его, но задумчивая мелодия постепенно

продиралась сквозь гам и невольно головы присутствующих, стали поворачиваться в сторону эстрады. Гул постепенно замирал. Сплав мелодий итальянской созерцательности и русской меланхолии, креп и заполнял собой весь большой зал. Видимо, резкие и бессмысленные ритмы предыдущего этапа веселья, несколько утомили отдыхающих и душа непривольно хотела впитать в себя, что-то спокойное и ласковое. Может быть! Не берусь об этом говорить с полной уверенностью, но сейчас зал действительно наслаждался отдыхом. Мягкая мелодия не доводила партнеров до животного отупения гулками ударами барабана и пронизывающим мозги электрическим визгом гитары, а проникала в душу и заставляла всмотреться в себя.

Юрий Григорьевич, несомненно, обладал музыкальным даром и играл неплохо, хотя мне показалось, что у него были некоторые шероховатости в исполнении. Возможно, я сужу слишком строго его исполнение. Классическую музыку я, обычно, слушаю в записи и иногда в концертных залах в исполнении профессиональных музыкантов. Но все равно, «Баркарола» в исполнении Юрия Григорьевича была неплоха и проникала в души, как луч солнца, неожиданно пробившийся сквозь сплошные грозные тучи. Это я говорю не в переносном смысле, а в прямом – за пределами ресторана бушевали дождь и гроза. Музыканты оркестра, кто с рюмками, кто с фужерами подошли к сцене и стали вслушиваться в русско-итальянскую мелодию Чайковского. Видимо, и они

сами устали от непрерывного грохотания и завывания своих инструментов и их музыкальные души более, чем души отдыхающих, требовали очистительной мелодии.

Юрий Григорьевич закончил играть, аккуратно убрал руки с клавиш, словно вслушиваясь в эхо уходящее от фортепиано, потом резко встал и сразу же пошел со сцены. Но не тут-то было. Оркестранты остановили его, а зал стал хлопать, сначала неуверенно, по отдельности, а потом аплодисменты слились в один рукоплескающий гул. Человеческая душа устроена так, что красивое проникает в нее без всякого сопротивления со стороны мозга, естественным путем, как любовь! Юрий Григорьевич снова поднялся на сцену и поклонился зрителям, а музыканты начали занимать свои места, разбирая инструменты. Тот, который играл на фортепиано и на электрооргане одновременно, потянул за руку Юрия Григорьевича к своим инструментам, предлагая, тем самым, сыграть вместе с ними. Это было понятно по энергичным движениям итальянца. Зал затихал аплодисментами. Юрий Григорьевич неожиданно, в крайнем случае для меня, уступил итальянцу и снова сел за фортепиано. Клавишник, который тянул его к музыкальному инструменту встал за свой электроорган, стоящий рядом с фортепиано и посмотрел вопросительно на нашего знакомого – что будем исполнять? Остальные музыканты также выжидательно глядели на него, приготовив свои инструменты к работе. Юрий Григорьевич несколько секунд будто бы раздумывал, а потом, начав в

медленном темпе, постепенно ускоряясь, заиграл «Калинку». Конечно, эту знаменитую во всем мире песню, знали все. Музыканты осторожно стали включаться в русскую мелодию. Орган создавал общий фон, ударник отбивал русский ритм, электрогитара нащупывала свое соло, духовики приготовились грянуть свой вариант импровизации. Присутствующие смотрели на сцену с нескрываемым интересом – получится ли у них что-нибудь совместно? Но музыканты были одаренные ребята и без труда входили в русскую мелодию, привнося в нее итальянский колорит и свой буйный темперамент. Немного передохнувшие зрители, вскакивали со своих мест и началась русская пляска. Я схватил за руку Джулию, потянул за собой Ольгу Валентиновну, успел кивнуть жене – вперед за нами и мы прямо здесь же, между столиками организовали хоровод. К нам подбегали другие, разбивали наши руки и становились в круг. Так, все в более убыстряющемся темпе мы стали кружиться вокруг столов. Хоровод становился в диаметре все больше и больше. Всем это нравилось. И все с невероятным удовольствием подпрыгивали, расходились, а потом быстро сходились к центру и здесь замирали на несколько секунд, ощущая биение темпераментных сердец друг друга, чтобы снова быстро разойтись, еще быстрее сойтись и замереть так на несколько секунд, в волнующем прикосновении горячими телами! «Калинку» сменили разудалые «Коробейники», потом пошла разухабистая «Барыня», а потом... и не помню что. Я обратил внимание на

пляску тогда, когда русская мелодия стала незаметно переливаться в итальянскую и все узнали бессмертные – «Сердце красавицы, склонно к измене» Верди, «О мое солнце». Но все шло в танцевальном ритме, который становился все медленнее и медленнее и, наконец, совсем замер.

Возбужденные и задышающиеся танцоры остановились в хороводном беге и обернулись в сторону эстрады. Потные от усердия музыканты, удовлетворенные от сознания того, что импровизация им удалась и завела весь зал, широко улыбались, перебрасываясь между собой довольными фразами. Юрий Григорьевич встал. Он не обращал внимания на музыкантов, которые жали ему руку в знак благодарности за то, что он внес свежую струю в опостылевший танцевальный ритм сегодняшнего вечера и поднимали указательный палец вверх: «Хорошо!» На ходу, отвечая на их рукопожатия и, не глядя на танцующих, которые будто ждали продолжения, он спрыгнул с низенькой эстрады и направился к нашему столу. Мы его встречали аплодисментами. Русская и итальянская народная музыка, которой он, вместе с оркестром, наполнил зал, оказались необычно близки и гармонично дополняли друг друга легкими игривыми итальянскими руладами и четкими озорными русскими перепевами. Все было неожиданно красиво. Джулия была в восторге и, хлопая в ладоши, восклицала:

– Bravo! Прима! Я же знала, что русские всегда должны себя показать лучше других! Грациас, синьор Юрио, спаси-

бо! Я от вас ждала чего-то такого, ну ни как то, о чем я рассказывала, но что-то такое... – От волнения она не могла подобрать нужных слов для выражения своего восторга.

Да, темпераментная Джулия, действительно, была в восторге. Юрий Григорьевич что-то смущенно пробормотал ей в ответ, что было несвойственно ему и мне показалось, что он собой недоволен. Джулия предложила выпить за успех маэстро, как она выразилась. Мы это сделали с удовольствием. Вскоре Джулию позвал Джованни и она, извинившись, ушла по своим делам.

– Юрий Григорьевич. – Обратился я к нему. – Я знаю, что вы творческий человек. Но поверьте, я не ожидал такого совмещения в вас качеств живописца и музыканта... Просто великолепно. В какой сфере творчества вы большой профессионал? Не знаю.

Он в ответ улыбнулся и его смуглое лицо, почему-то, побледнело.

– Вообще-то я профессиональный художник и имею в этом виде творчества высшее образование. А в музыке я любитель, дилетант. Да и играл я с ошибками, особенно Чайковского. А в исполнении классики нужна строгость...

– Да, в классике нужна строгость. – Согласился я с ним, решив не указывать на ошибки в его исполнении. – Но должна быть и индивидуальность. Вот она именно и присутствовала у вас.

Его жена была, судя по ее выражению лица, была недо-

вольна ответами мужа – сказал что-то лишнее. И он это заметив, перевел разговор на другое:

– Да, погода испортилась. Может быть несколько дней не сможем загорать...

– Нам через четыре дня уезжать. До сегодняшнего дня погода стояла великолепная и такая концовка не испортит нам впечатление от Италии.

– Через четыре дня... – Произнес задумчиво он. – Да быстро время летит. – Неопределенно заключил он.

Снова играла музыка, скакали и извивались в танцах тела отдыхающих, а мы вяло разговаривали друг с другом. Было видно, что наши знакомые чем-то недовольны и вскоре, распрощавшись с нами, отправились к себе в номер. Чуть позже ушли и мы. А еще, чуть раньше нас, ушли к себе и те двое непонятных русских мужчин.

Следующее утро выдалось не дождливым, но пасмурным. Мы со своими земляками встретились за завтраком. Юрий Григорьевич выглядел озабоченным, а его жена встревоженной. Разговор не вязался. Людей за завтраком было немного, видимо, большинство отдыхающих отдыхали после бурной ночи. Я предложил им до обеда посидеть у меня в номере, побаловаться сухим итальянским вином. Его в этих местах делают просто великолепным – тонкий аромат, а кислинки в самый раз. Самый привередливый гурман останется доволен калабрийским вином.

Юрий Григорьевич согласился – он хотел бы сделать

несколько набросков Везувия, который хорошо виден из окон нашего номера. Мы с женой были рады принять их у себя. Еще я обратил внимание на то, что вместо обычного дуэта неразговорчивых русских, на завтраке присутствовал только один из них. Он рассеянно тыкал вилкой в салат, видно, скучал без своего товарища.

В номере Юрий Григорьевич поставил стул в метре от окна и стал карандашом набрасывать этюды. Но Везувий был сегодня плохо виден, пасмурно. Но хочу заметить, что и в ясный день его вид из нашего окна не так романтичен, как вблизи – все-таки Везувий находится далековато от нашего пансионата. Я высказал свою точку зрения по этому вопросу вслух, на что Юрий Григорьевич ответил довольно неожиданно для меня:

– Плохих видов в природе не бывает. Она не предусмотрела в себе некрасивого. Правда, здесь природа ухожена человеком и в ней нет присущей для нее силы. Сентиментальная открытка. Надо мне сейчас сбросить с горы налет искусственности и показать, каким был Везувий в первозданном виде, много тысячелетий назад. Может быть, до появления человека...

– Да. – Согласился я, пораженный глубиной его рассуждения, но внутренне не согласный с ним. – Но может быть, изображать надо все реалистически – как оно есть на данный момент?

– Да, можно и так писать. Но если хочешь увидеть глубину

и тайну Везувия, то этот вулкан необходимо раздеть. Только в этом случае можно докопаться до истины.

– Это ж натурализм? – Возразил я. – Так нельзя писать пейзажи, я имею ввиду природу. Может получится хуже, чем у импрессионистов.

– Не скажите. Импрессионизм, по своей сути, натуралистичен. Он выхватывает из времени один миг возвышения природы. А натурализм? Не знаю. Наша русская природа не требует натуралистичности в изображении, как здесь. Она не приукрашена, естественна и вся ее философская мысль и глубина у тебя перед глазами. Вдумывайся в нее, и размышляй. Поразмышлял, бери и пиши – будет реалистично. Здесь же для реалистической картины надо подчищать природу, чтобы она выглядела естественно. Парадокс цивилизации, чтобы слиться с природой, надо подогнать ее под свою мерку. Может я не прав, но я русский человек и натуралистическое отношение к природе, видимо, генетически заложено во мне.

Я с ним не спорил, видя, как он торопливо делает наброски и быстро меняет листы с видами Везувия, как будто у него впереди еще не две недели отдыха, а осталось всего несколько часов. Да и признаюсь, что я немного слабоват в понятии импрессионизма, сюрреализма, кубизма и прочих искусствоведческих «измов».

Наши жены разговаривали между собой и мое вмешательство в их разговор не находило у них поддержки, и я вынуж-

ден был тыняться по номеру, попивая сухое итальянское вино в одиночку.

Вдруг, лежащий на папке художника мобильный телефон, с которым наш знакомый никогда не расставался, глухо загудел. Следует отметить, что до этого наш знакомый никогда им не пользовался. В крайнем случае, при мне он никогда не звонил и ему не звонили. Впрочем, тогда мобильники у нас только входили в повседневную жизнь. Юрий Григорьевич резко бросился к телефону и приложил его к уху. Я увидел, как сразу же напряглось лицо его жены и она, как и вчера вечером, с выжидательной тревогой стала смотреть на мужа. Вчера в ресторане мне показалось, что она чего-то испугалась – кажется, выхода мужа на эстраду и признания, что он профессиональный художник. Юрий Григорьевич сказал в трубку «Алло!» и потом отключил его, пояснив, глядя в сторону от нас:

– Видимо какой-то случайный вызов. Ошибка. Никто не говорит по телефону. – Он вернулся к окну и продолжил делать этюды.

Ольга Валентиновна внешне успокоилась и продолжала беседовать с моей женой, бросая быстрые взгляды на мужа, будто чего-то от него ожидая. Минуты через две после звонка, Юрий Григорьевич обратился к ней:

– Оля, ты не помнишь, куда я положил уголь?

– Кажется, в чемодане. – Ответила она. – Или может в папке с рисунками. Не помню точно.

– Не хотел отрываться... – Сказал Юрий Григорьевич. – Но ты чемодан сама не поднимешь. Я схожу я за углем. Извините, я отлучусь на минутку.

Он вышел, но его минутка растянулась минут на пятнадцать. Когда он вернулся обратно, то его лицо было спокойным, до бесстрастности и он, будто бы с упреком, сказал жене:

– Оля! Я все перерыл в номере, но угля не нашел. Куда я его задевал? – Добавил он, как бы сокрушенно. – Ладно, обойдусь без него. – Он снова сел на стул и стал набрасывать карандашом вид далекого Везувия. Но я видел, что работа у него уже не шла. Через несколько минут он отложил все в сторону и сказал:

– Надоело. Давайте лучше выпьем вина.

Я налил ему фужер вина, женщинам тоже и мы выпили. Ольга Валентиновна выглядела рассеянной и невпопад поддерживала наш разговор. Юрий Григорьевич был немногословен, что меня обижало, но я не показывал свою обиду. У каждого свои заботы! За час до обеда они ушли к себе и мы встретились с ними за столиком. Было видно, что Юрий Григорьевич серьезно чем-то озабочен, а его жена встревожена и потому задумчива. За соседним столиком сидел тот же один русский, который, на мой взгляд, обращенный к нему, почему-то занервничал и с вилки стали падать клубки спагетти. Это вызвало у меня смутные подозрения о какой-то взаимосвязи между ним и нашими знакомыми, но в своих подозре-

ниях я пока не мог разобраться.

После обеда мы пошли прогуляться вдоль берега моря и зашли достаточно далеко, болтая о пустяках. Вернулись к себе только к вечеру и до ужина находились в своих номерах. Вечер обещал быть таким же, как и сутки назад, пасмурным, но уже без дождя. Отдыхающие готовились продолжить вчерашние танцы, – погода позволила им днем выспаться. Но мы этот вечер решили не проводить вместе со всеми и, поужинав, ушли. Юрий Григорьевич пригласил нас в свой номер на стакан вина, как он выразился. В номере мы у него уже бывали и, конечно, он был намного лучше нашего.

Мы сидели вчетвером в лоджии, наблюдали сумрачный закат, попивали вино и курили. Почему-то больше всего вспоминали свою такую далекую и неуютную, в отличии от Италии, Россию – одновременно такую близкую и по – матерински душевную. Уже вечерело, когда к нам постучала в двери, вернее позвонила, Джина и спросила – не желают ли синьоры спуститься вниз, там начался вечер танцев. Но мы отказались. Потом в дверь еще кто-то позвонил и Юрий Григорьевич вышел, но сразу же вернулся и извинившись сказал, что должен покинуть нас на несколько минут. Я увидел, как напряглось лицо его жены и умоляюще, чуть ли не со слезами на глазах, она неотрывно стала глядеть на мужа. Но что она хотела ему этим сказать, я не понял, только удивился – какие у него могут здесь быть дела и откуда появились знакомые? Он вышел, а я стал поддерживать разговор

с женщинами, стараясь вести его, как можно веселее и беспечнее. Но женщины плохо слушали меня и даже моя жена отвечала рассеянно и невпопад. Но до меня стало доходить, что существует какая-то большая тайна в этой семье. Я в нее не посвящен, но моя жена, как я стал сейчас понимать, знает о ней, но мне о их тайнах не рассказывает. Почему? Удивительно! Иногда моя жена бывает откровенна со мной. А в эти дни?... Ну что ж, придется поговорить с ней серьезно. С каких это пор она стала такой скрытной?

Юрий Григорьевич вернулся минут через двадцать, хотя обещал отсутствовать несколько минут. Он был явно чем-то озабочен, но весело, скрывая улыбкой неожиданно обрушившиеся на него проблемы, предложил, обращаясь ко всем:

– Давайте выпьем еще по одной... – Он налил в фужеры вина, подал их женщинам и мне. Потом без всякого перехода сказал, глядя на свою жену. – Оля, завтра мы уедем отсюда... – Он не закончил фразы.

– Куда? – Дрогнувшим голосом спросила она и слезы выступили у нее на глазах.

– Конечно же, домой. В Россию. В Москву... – Ответил он, отвернув лицо в сторону моря, чтобы не видеть ее слез. Он ее не успокаивал.

– Снова туда же? – Тихо спросила она.

– Да. – Коротко и жестко ответил он.

Она смахнула пальцами слезинки с глаз и также тихо про-

изнесла со вздохом:

– Хорошо. Хоть детей быстрее увидим. Я за ними так соскучилась... – И она горько заплакала, уже не стесняясь нас.

Все молчали. Нам с женой было неудобно наблюдать непонятную для нас семейную сцену. Юрий Григорьевич тоже чувствовал себя неловко и его челюсти сжались до такой степени, что резко обозначились все мускулы под кожей лица.

Я сказал:

– Извините. Мы пойдем...

Ольга Валентиновна встрепенулась и, промокнув платочком слезы, запротестовала:

– Ни в коем случае! Не обращайтесь на меня внимания. Сейчас все пройдет. Давайте лучше выпьем. За расставание, за то, что мы были здесь друзьями и, чтобы мы ими остались в России. – Она быстро поднесла бокал к губам и весь его выпила. Потом произнесла, натянуто улыбаясь. – Вот и все прошло. Это нервы. Скучаю по детям. Мы и правда, засиделись за границей.

Мне показалось, что вначале Юрий Григорьевич был готов с нами расстаться, но после слов жены сказал, обращаясь к нам:

– Не в коем случае, не уходите. Не надо портить наш последний общий вечер из-за слез Оли. Она действительно скучает по детям. Ее материнскую тоску по ним, я испытываю на себе каждый день. – Он натянуто засмеялся. – Давайте и мы, как Оля, выпьем вообще за встречу, за неожиданное

расставание и за нашу новую встречу... – За «новую встречу» он произнес неуверенно, но выпил свое вино до дна. Мы с женой поступили также. Юрий Григорьевич вдруг неожиданно предложил мне:

– Давайте я напишу ваш портрет. Пока карандашом, а потом, может быть, и красками. Но это позже. Вашей жене я оставил портрет, а вам не уделил такого внимания. На прощание...

Я согласился и мы прошли из лоджии в гостиную номера. Он включил торшер, взял лист бумаги и без лишних слов стал на нем набрасывать мой портрет. Но меня, менее всего, интересовал сейчас мой портрет. Меня мучило неумное любопытство – кто же он такой? Почему они со своей женой, что-то тщательно скрывают от других? Не договаривают. Какая у них тайна? У меня появилось не просто любопытство, а настоящий зуд любопытства, от которого я не мог усидеть на месте. И я спросил, как бы между прочим, художника:

– Юрий Григорьевич! – Он не ответил на мое обращение. Но я был настырен, как никогда. – Не помешаю ли я вашему творчеству, если буду одновременно разговаривать с вами?

– Нет. – Ответил он неохотно.

Я обдумывал какой задать вопрос, чтобы бы не оттолкнуть им его от себя и одновременно заставить раскрыться:

– Я вот все думаю? Чего в вас больше – музыки или живописи? Но не могу понять. Но творческая натура у вас явно преобладает над деловой. Может я ошибаюсь?

Юрий Григорьевич, не ответив на мои вопросы, молча протянул лист с моим портретом. Я стал его рассматривать его и сделал заключение:

– Очень хорошо вы меня изобразили. Но все-таки по натуре вы больше художник, чем бизнесмен. – Продолжал я гнуть свою линию.

– Да, вы правы. – Почему-то легко согласился он. – Я вам уже говорил. В живописи я имею высшее образование. Так что, здесь я профессионал. А музыка мое хобби. Кто-то сказал, музыка – это краски мелодий, а живопись – мелодии красок. Эти виды творчества тесно взаимосвязаны, их нельзя делить. Но, мне как профессиональному художнику, кажется, что живопись глубже. Живопись заставляет думать, а музыка – заставляет переживать. Но это мое субъективное мнение, как художника. Музыку и живопись, при желании, можно не рассматривать по отдельности. Это еще Мусоргский показал. Несомненно, вы слушали его «Картинки с выставки»?

– Конечно. – Согласился я с ним, но продолжал навязывать свою линию собеседнику, чтобы заставить его раскрыться. Мне это было сейчас очень важно и любопытство буквально съедало меня. Я чувствовал, что за его талантами скрывается, что-то более серьезное и глубокое. Иногда такое чутье просыпается у меня, как у писателя. – И как вы можете совмещать рутинную работу банкира и талант художника? Не пойму?

Юрий Григорьевич с тонкой, понимающей улыбкой поглядел на меня и ответил:

– Я вижу куда вы клоните. Хотите обо мне узнать, кто я? Хорошо. Я вам откроюсь, кто я! Но, если вы не упадете немедленно в обморок, то прошу вас не покидать нас резко и презрительно.

Он задумался, собираясь с мыслями и духом. Пальцы непрерывно крутили карандаш и, посмотрев мне прямо в глаза, грустно улыбнувшись, решил:

– Да, я банкир, бизнесмен, художник. Но кроме этого я, как говорят и пишут в России и здесь в Италии, откуда и пришло к нам это страшное слово, я, в некоторой степени – мафиози!

Обморок, от его откровенного признания, со мной не случился. Но я был поражен его неожиданным ответом и откинулся в кресле. Он заметил мое непроизвольное отрицательное, по отношению к нему, движение и еще более грустно усмехнулся:

– Я ж говорил, что после моего признания, вы захотите держаться не просто от меня подальше, но и перестанете смотреть на меня. Забудете, что были знакомы... Для вас я теперь стал прокаженным. – Он глубоко вздохнул и закурил сигарету.

– Нет, нет... – Вяло возразил я.

Мне было стыдно, прежде всего, самому перед собой. Я считал себя великим знатоком человеческих душ, способ-

ным с первого взгляда все распознать, все понять, «сквозь землю три метра видеть» и так обломался. Видимо, никудышный я писатель, мелькнуло у меня в голове. Должен же я знать, что сейчас и мафиози являются талантливыми людьми. Недаром многие деятели искусств занялись бизнесом. Здесь можно проявить те свои лучшие качества, которые оказались невостребованными на творческой ниве. А полностью реализовать себя – мечта каждого артиста и художника. А бизнес сродни искусству, может, даже выше... Тонкий артистизм иллюзиониста и тяжелая хватка банкира, как показал творческо-деловой опыт России, не просто сродни, а своей неразделимой взаимосвязанностью, органически дополняют друг друга. Чтобы делать деньги из ничего, необходим высочайший артистизм, виртуозное умение делать все вслепую, то есть не обращать внимания на восторженных или возмущенных зрителей.

И я продолжал лепетать что-то невпопад.

– Просто не вериться... – Я произнес это, приходя в себя от шока после признания собеседника.

– Если я вас напугал, то извините. – Спокойно курил сигарету Юрий Григорьевич. – Хочу несколько сгладить вашу неприязнь ко мне и признаюсь – я не просто мафиози, а например, еще и Монте-Кристо.

– Граф? – Удивленно вытаращил я на него глаза. За эту минуту я получил несколько душевных потрясений.

– Нет, не граф. Просто Монте-Кристо. Можно сказать –

русский Монте-Кристо.

– Монте-Кристо, Монте-Кристо... – Выговаривал я бессмысленно, одновременно собираясь с мыслями. – Не понимаю. Может быть вы мне проясните, как совместить – благородную месть Монте-Кристо и беспримерную жестокость мафиози? Приоткройте немного тайну своей жизни?

– Об этом долго и много придется рассказывать. Не хватит сегодняшней ночи, тем более, для нас она последняя. Вы писатель и вам, конечно же, интересно узнать что-нибудь новое о людях, а может найти сюжет для книги. Но мне известность не нужна, она несовместима с моей профессией. В историю попасть? Так я уже в нее влип. Единственное, почему я могу рассказать кому-то историю своей жизни и почему я дошел до такой жизни, – Подчеркнул эту фразу мой собеседник, – мне нужно собрать воедино прошлое. Когда думаю о своей жизни наедине с самим собой, то цельности не получается – отдельные эпизоды. Может быть, и стоит приоткрыть именно вам историю своей жизни и мои воспоминания, реализованные в слова, придадут законченность моим размышлениям. – Вслух думал Юрий Григорьевич, глядя мимо меня. Видимо в его голове уже вихрем пронеслась его жизнь. – Тем более вы сами просите рассказать... Вы первый человек, который вот так прямо просит об этом.

– Я знаю, что бываю иногда наивным, но может быть это и хорошо. Я готов вас слушать. – Поспешно согласился я, чтобы он не успел передумать. – Не каждому писателю уда-

ется услышать из первых уст историю, как вы сами себя охарактеризовали, мафиози, художника и музыканта, банкира и бизнесмена. И все одновременно, в одном лице.

– Да вы правы – профессий у меня много, а хотелось бы иметь только одно творчество. Я попытаюсь изложить историю своей жизни, как можно объективнее, если вообще человек обладает таким качеством. Но когда излагаешь свою жизнь, объективным быть очень тяжело. Быть к самому себе объективным просто невозможно, всегда найдется оправдание не только мелким, но и крупным проступкам. Вы, как писатель, это понимаете.

– Да, несомненно.

– Я знал, что мне когда-то придется излить другому свою душу. Это обязательное чувство каждого человека, каким бы он плохим ни был. В отличие от меня, у хороших людей всегда найдутся хроникеры и жизнеописатели. Кто-то и при своей жизни хочет прославиться и пишет мемуары. Или за его деньги, ему напишут восторженный опус, какой он хороший и почему необходимо любить и молиться на него еще при жизни. Он осчастливил человечество только своим появлением на свет, а его деятельность, сродни мессианству, и всюду он прав, а остальные – наоборот. Обо мне, вряд ли, кто напишет такое при жизни, тем более хорошее. Только после смерти может появиться строчка в газетной хронике. Наконец-то такой умер... Но когда-то раскрыться надо, как бы ни были тяжелы признания. Кажется вы, как писатель, удовле-

творяете меня в желании раскрыться вам. – Он налил мне и себе в фужеры вина, поднял бокал и произнес, вроде бы, как тост. – Тогда с богом! Начнем!

Мы выпили до дна бордовое, кисловатое вино. Он за то, чтобы все мне рассказать, я за то, чтобы все выслушать. Так я понял содержание его короткого тоста. Юрий Григорьевич поставил фужер на столик снова внимательно и, даже грустно, посмотрел на меня и сказал вместо предисловия:

– Если вам станет неинтересно меня слушать, можете мне об этом сказать прямо или просто под каким-то предлогом уйти и больше сюда не возвращаться. Я не обижусь и мстить вам не буду. Мне и так уже пришлось отомстить многим. Договорились?

– Я надеюсь вас выслушать до конца. – Ответил я нетерпеливо. – Может в вашей жизни больше от Монте-Кристо, чем от мафиози? Поэтому, не давайте сами себе убийственных оценок. Их сделают другие. Я вас слушаю, русский Монте-Кристо!

Он благодарно, впервые за все время нашего разговора, улыбнулся в ответ на мои слова и, произнес размышляя:

– С чего начать? Прожито, вроде, немало – пережито, намного, больше. С чего же начать? Давайте я начну с самого начала, с того времени, как я появился на свет и как я, выражаясь казенным языком, дошел до такой жизни. – Он грустно улыбнулся, отдаваясь волне нелегких воспоминаний. – Можно начинать? – Спросил он, почему-то, разрешения, ви-

димо, до сих пор неуверенный, что поступает правильно, доверяя мне историю своей жизни.

– Конечно же, русский Монте-Кристо. – Ободряюще ответил я. – Жизнь – это свет и тьма. Не каждому суждено распознать человека. И не каждый человек позволяет заглянуть другому в потемки своей души. Вперед, русский Монте-Кристо!

Часть 1

1

Я родился через пять лет после войны. Родители мои были учителями – папа преподавал историю, мама – русский язык и литературу. Сказать, что я был поздним ребенком – нельзя, хотя моим родителям, в момент появления меня на свет, было ближе к сорока годам, чем к тридцати. Но у меня есть сестра Наташа, которая родилась перед войной и старше меня на десять лет – вот такая разница в годах между нами. Позже, я узнал от нее, что отец, вернувшись с фронта, очень хотел иметь мальчика. Видимо, такова потребность фронтовиков – доказать смерти, что мужчины никогда не переведутся на земле, несмотря на безумства правителей всех мастей и марок. Возможно, рождением сыновей фронтовики хотят возместить долг женщинам, которые остались вдовами или вообще незамужними из-за нехватки мужчин, погибших на войне из-за чьих-то безразмерных амбиций. Как можете убедиться я, по своим взглядам, пацифист. Так вот, не так давно сестра мне рассказала, что две послевоенных беременности у матери закончились неудачно и третья была последним шансом для семьи – быть новому мужчине в нашей семье или не быть. Если бы я и в этот раз не появил-

ся на свет, то мои родители прекратили бы попытки занять сына. Такую информацию о сложностях появления меня на свет, я получил от своей старшей сестры и, повторяюсь, совсем недавно.

Но я появился на свет и, конечно же, это была огромнейшая радость для моих прекрасных родителей – они во мне души не чаяли. Собственно говоря, как и я в них. Я рос здоровым ребенком. Как положено, переболел всеми детскими болезнями, но без серьезных для себя последствий. Рос послушным ребенком и приносил своим родителям совсем немного огорчений, в отличие, от других мальчишек во дворе. Детский садик я не посещал. До школы рядом со мной всегда были мама и сестра. Папа, к этому времени, стал директором школы, зарплаты хватало и мама вела немного уроков, тем более после моего рождения, у нее начало побаливать сердце. А когда мама и папа были одновременно оба на работе, со мной находилась сестра Наташа, моя, как бы вторая мама. Всегда их могли подменить дедушка и бабушка по отцовской линии. Бабушка и дедушка по матери погибли в оккупации. Но родители отца умерли один за другим, когда я еще был маленьким. Так что воспоминания о них, у меня остались самые скудные.

Вот так я рос в детстве. Повторюсь, был послушным, домашним ребенком. Плохих поступков, как вспоминают обо мне другие, в детстве почти не совершал, не считая детских шалостей. А какой ребенок без них вырастает? Но у меня

было одно, я считаю, отрицательное качество, – чрезмерное упрямство. Если я был убежден, что-то надо делать именно так, а не иначе – меня было трудно переубедить. Но это в тех случаях, когда что-то касалось лично меня, а в основном, мне всегда можно было доказать, что такое хорошо, а что такое – плохо. Как я понимаю, в моем характере весьма много присутствует индивидуалистического. Мои родители воспитывали меня всегда словесно, приводили много примеров из жизни каких-то юных героев, исторические и литературные примеры и убеждали меня, что в этом я, не прав. Ни разу в жизни меня не хлопнули по попке за упрямство или шалости – все-таки педагоги. Зато, став взрослым, я получил всякого рода наказаний сполна, с лихвой компенсирующих мое, без всяких натяжек, счастливое детство. Когда я был сильно разобижен на родителей, то надув губы, уходил в комнату своей сестры – ложился к ней в постель и она окончательно переубедила меня в моей неправоте. Эта привычка искать утешения у сестры, в случае обиды, сохранилась у меня на всю жизнь. Но сейчас я не могу ей всего доверять, учитывая специфику своей деятельности, хотя она до сих пор считает нужным меня в чем-то наставлять. К сожалению, мы с ней встречаемся сейчас, достаточно, редко.

Наша семья была замечательная и сейчас, иногда без слез, не могу вспоминать моих добрых мать и отца, и жестоко обвиняю себя – зачем я принес им столько огорчений и укоротил их жизнь, будучи взрослым. Мои родители – мой идеал

родителей и самая большая боль моей души.

Мы жили в небольшом, старинном областном городке севернее-западнее столицы. С детства я начал получать прекрасное семейное образование. Так, всей семьей мы, еще до моей школы, обошли все музеи города, древние православные церкви, памятные места. Обычно папа, а он историк, рассказывал о прошедших событиях, мама дополняла литературными примерами. Почти, каждый год летом, куда-то ездили отдыхать, то на Черное море, то к родственникам в Москву, Ленинград, Сибирь... Много прекрасного я успел посмотреть в детстве.

Долгими зимними вечерами, а тогда телевизоров еще не было, мы всей семьей вслух читали книги, обсуждали их вчетвером – как об этом приятно сейчас вспоминать! Наташа посещала музыкальную школу и училась играть на фортепиано. У нас в одной из комнат стояло черное блестящее пианино и Наташа извлекала из него красивые звуки. Моя сестра унаследовала от родителей несомненный педагогический дар и считала своим долгом обучать меня всему тому, что умела сама. Она стала учить меня игре на этом инструменте. Но противные гаммы мне разучивать не хотелось, я от них шарахался в сторону. А вот приятные для слуха мелодии, мне очень нравились и я хотел играть только их. Музыкальный слух у меня есть, как вы сами вчера убедились. Сначала одним пальчиком я извлекал звуки из этого черного, блестящего комода, а потом сестра поставила мне пальцы,

как выражаются музыканты, и мы с ней еще до школы наигрывали в четыре руки простенькие песенки и во все горло пели. А петь я тоже любил потому, что пели в нашей семье все, не только в часы дружеских застолий, когда собирались взрослые отметить праздник, но и семьей по вечерам. Так мы коротали наши северные зимние вечера. Так я получил уже в детстве прекрасное просветительское и культурное образование.

Но у меня была еще одна страсть, которая стала смыслом дальнейшей моей жизни – рисование. Как рассказывает, снова же моя сестра, еще младенцем, только научившись ходить, я мог подолгу стоять и разглядывать рисунки на обоях, стараясь постичь их бессмысленный смысл. Много времени посвящал рассматриванию картинок в книгах, а домашняя библиотека у нас, по тем временам, была неплохая. А потом взял в руки карандаши сестры и начал подрисовывать орнаменты на обоях, стараясь сделать их красивее и понятнее себе и всем, отчего у меня постоянно возникали ссоры с родителями. Но я упрямо хотел сделать наши стены более живыми и красочными. Потом рисовал на листочках бумаги и уже к школе у меня получалось неплохо в перерисовывании разных картинок. Главное – было похоже. Хотя, критично отмечу, чтобы не подумали обо мне, как о вундеркинде – до настоящего сходства было далеко, но я добросовестно копировал то, за что брался.

Так уж получилось – когда я пошел в школу, сестра посту-

пила в педагогический институт нашего городка. Заниматься дальше музыкой она не захотела, а пошла по маминым следам, учиться на филолога. Мама с папой хотели ее отговорить от этой специальности, приводили конкретный пример – посмотри, как мама сидит каждый день за проверкой диктантов и сочинений, теряет время, а за это почти не платят, лучше будь историком – там не надо проверять тетради... Но моя сестра, видимо тоже, как и я, бывала иногда упрямой и выбрала филологию.

Но, поступив в институт, сестра, как будущий педагог посчитала, что теперь должна меня воспитывать более целенаправленно и взяла надо мной шефство по обучению игре на фортепиано. Она меня стала водить в музыкальную школу. Следила, чтобы и дома я занимался музыкой, а заодно проверяла мои школьные тетради, помогала мне разбираться в моих учебниках, чтобы я все понимал и хорошо учился. Великолепная у меня сестра Наташа! Но я, как и прежде, старался гаммы не играть, а сразу же замахивался на серьезные вещи. Так, как у меня, повторяюсь, есть музыкальный слух и прекрасная память, то я выучил достаточно много известных произведений и, как вы убедились, не забыл их до сих пор. Я и сейчас дома постоянно что-нибудь наигрываю на фортепиано, для себя, чтобы отдохнуть и сменить настроение, для Ольги, для детей, ну и для редких друзей. Позже я научился играть и на гитаре. Но после определенного периода своей жизни я охладел к этому инструменту – пение под гитару

сильно задевает за живое.

Моя судьба, как я думаю, круто изменилась еще в первом классе, накануне нового года. В то время страна была бедной, вы это сами знаете, но тем не менее, в школе работали различные кружки: технические, музыкальные – я еще пел в школьном хоре; изобразительного искусства, а еще физкультурные-всех кружков и не упомяну. Директором школы был мой папа, подчеркиваю это. Так вот, под новый год зашел я в актовЫй зал, который празднично оформляли к новогоднему балу и утренникам. Ребята старших классов под руководством учителя рисования писали на больших листах ватмана картины. Некоторые из полотен были по несколько метров в длину и ширину. Это были красивые картины из сказочной жизни. Я с замиранием сердца смотрел, как из гуаши появлялись яркие, красочные образы Деда Мороза, Снегурочки, Царевны Несмеяны, Бабы-Яги, Кашея, всяких зверушек. Я зачарованно переходил от одной картины к другой, разложенных прямо на полу, на разутых юных художников и их руководителя, которые осторожно ходили в носках по огромным листам бумаги, чтобы не порвать их и не выпачкать. Подойдя к учителю рисования я смотрел, как он на корточках переступает по картине, делая наброски карандашом и я не выдержав подсказал ему:

– Вот волк несет царевну, а за кустиком надо изобразить зайца, как он подсматривает, куда бежит волк.

Учитель посмотрел на меня, такого малыша, и неожидан-

но согласился:

– Да, можно подрисовать зайца. Васнецов до этого не додумался.

И он действительно дорисовал за кустиком мордочку зайца с длинными ушами. А потом ученики по его контурам наносили краску. А я с замиранием сердца наблюдал, как закрашивается моя подсказка. Учитель, видимо, заметил мой неподдельный интерес к рисованию и сказал:

– Не хочешь ли сам попробовать что-нибудь нарисовать?

– Хочу! – Испуганно закричал я, не ожидая такого подарка под новый год.

Он дал мне лист ватмана – метр на метр. Я такие большие картины никогда еще не рисовал. В последнее время, в связи с музыкой и жестким контролем со стороны сестры за моими занятиями, совсем забросил рисование. И вот, усевшись прямо на бумагу, я стал думать-что же нарисовать? Потом решил – Снегурочку, с добрыми зверями. Но у меня не получалось, стирал резинкой нарисованное и снова старательно что-то черкал, и в конце-концов расплакался от собственного бессилия. Учитель подошел ко мне и, увидев мои слезы, предложил:

– Возьми ватман с собой и дома нарисуешь карандашом свою Снегурочку и еще, что наметил. А завтра принесешь сюда и мы раскрасим твой рисунок. – И он неожиданно меня похвалил. – У тебя, мальчик, получается рисовать. Наверное, есть фантазия...

Ватман завернули рулоном в газету и я помчался домой. Вечером мне не надо было идти в музыкалку и я, ползая по полу сопел и рисовал, снова черкал и стирал. Но Снегурочка мне не нравилась. И вот тогда ко мне подошла сестра и стала подсказывать, как лучше сделать рисунок. Я взглянул на нее и кажется впервые увидел, что Наташа у меня красавица. До этого вечера она была просто сестрой и я не замечал ее красоты. Я аж замер от такого неожиданного для меня открытия и приказал ей:

– Стой и не шевелись! Ты, такая Наташка, красивая, как Снегурочка, которую я хочу нарисовать. Я тебя нарисую Снегурочкой! Стой и не шевелись!

Она, кажется, немного растерялась от моего приказа – в таком тоне я никогда с ней разговаривал, покраснела от моего признания ее красоты, но выполнила мою просьбу. Я ее изобразил в анфас. Снегурочка получилась достаточно похожей на мою сестру, что отметили мои родители. А моя семья была моим первым критиком, очень объективным и доброжелательным.

На следующий день я раскрасил картину и учитель рисования тоже, как и родители, меня похвалил и предложил ходить на занятия изобразительного кружка, который он вел. Да, тот новый год переменял мою судьбу, сделал целенаправленной мою жизнь. Я понял, что теперь стану художником.

Моя первая учительница вела все предметы, в том числе и рисование и, поэтому, не могла мне помочь в овладении

живописью. Хочу заметить – она была прекрасной учительницей, но было время, когда учителям начальных классов приходилось учить нас всему. Мне, вообще-то в детстве, да и в юности повезло с наставниками – все они были добрыми и мудрыми людьми.

Так я стал посещать изобразительный кружок, которым руководил наш учитель рисования и именно он начал мое формирование, как художника. Но немного опишу своего детского наставника. Это была колоритная фигура в своем уродстве. Его образ впечатался на всю жизнь в мою память. Не удивляйтесь, если вам что-то в его образе покажется не реалистичным, а фантастичным. Я несколько не преувеличиваю, не довожу до гротеска его портрет. Звали его Николай Иванович. Он был фронтовиком и война покалечила его страшно. У него не было правой руки по плечо, на левой руке – культяпка, где торчал только один указательный палец огромного размера, а остальные пальцы отсутствовали или остались огрызки. На правом глазе было бельмо и видел ли он им – не знаю. Длинные седые волосы скрывали отсутствие одного уха... Может быть вы не поверите, но это его действительный портрет. Где ему все перечисленное оторвало, в каком бою, он никогда никому из учеников не рассказывал. К тому же он был немногословным человеком, углубленным в себя. Как я сейчас понимаю, классным художником он не стал только в силу того, что был калека – без правой руки многого не сделаешь, а у него, несомненно, было призвание

художника и педагога. Так я попал в руки этого замечательного человека, которого боготворил тогда, и вспоминаю с огромной теплотой сейчас.

Когда я перешел в четвертый класс, Николай Иванович ушел работать в художественную школу, которая была в нашем городе. Я стал ходить к нему туда, показывать свои рисунки, а он советовал мне, что и как нужно делать, давал задания. Закончив четвертый класс я заявил, что бросаю музыкальную школу – играть на фортепиано я уже умел неплохо – это по отзывам моих музыкальных учителей, которые хотели, чтобы я продолжал заниматься музыкой. Но мое природное упрямство предпочло живопись, музыке. Родители понимали, что две дополнительные школы я не потяну и сильно не возражали, чтобы я теперь посещал художественную школу и занимался живописью. Они видели, что я всерьез ею увлекся. Сестра, в это время, готовилась к свадьбе и ее воспитательное воздействие на меня, если так можно трафаретно выразиться, ослабло. Ей было не до меня.

Так я стал учиться параллельно с обычной школой, в художественной и познавать азы изобразительного творчества. К тому времени, для своего возраста, я писал хорошие картинки, а Николай Иванович немногословно, но профессионально лепил из меня художника. Когда я заканчивал седьмой класс умер Николай Иванович – сказались-таки фронтовые невзгоды и ранения. И вот на его похоронах я впервые осознал, как страшно потерять любимого учителя, друга, не по-

боюсь этого слова, применительно к человеку намного старше меня. Я плакал тогда безудержно, будто у меня отняли самое дорогое. После похорон, я по памяти написал портрет Николая Ивановича, где изобразил его на поле боя с автоматом и гранатой в руках. С этого момента я возненавидел войну осознанно, соприкоснувшись с ней близко в образе своего учителя. Портрет Николая Ивановича повесили на стене в том классе, где он проводил с нами занятия. Смерть этого человека была для меня первым жестоким ударом в жизни.

Вот, пожалуй, и все о детстве. Я хотел рассказать о нем немного, но как видите, получилось довольно пространно. Но хочу подчеркнуть, что в детстве я рос честным, глубоко порядочным, чистым мальчиком. При такой школьной и творческой нагрузке у меня не было лишнего времени, чтобы просто болтаться по улицам и дворам, не говоря о том, чтобы хулиганить. Я выбрал свой дальнейший путь и подчинил свою жизнь его величеству – художественному творчеству!

Как видите, во мне не было генетической предрасположенности к преступлениям. Мои родители, глубоко интеллигентные люди, вложили в меня все необходимое для порядочной жизни. Если бы мне тогда, кто-то предсказал, что я проведу десять лет в тюрьмах и зонах Урала и Колымы, я бы никогда не поверил этому пророчеству и только бы улыбнулся, как воспитанный мальчик, посчитав все завистничеством или шуткой. А, если бы о моем будущем рассказали

тем, кто знал меня, они, наверное, бы рассмеялись над такой нелепицей, зная меня, как интеллигентного мальчика и благоразумного человека. Но тогда провидцев не было, в отличие от сегодняшнего дня, и никто не мог предупредить меня о злом роке, висящим над моей судьбой.

...Юрий Григорьевич, дрожащими пальцами, нервно достал сигарету и прикурил от зажигалки. Видимо, непросто давались ему детские воспоминания и спросил, выжидательно глядя на меня:

– Не скучно вам слушать мою исповедь?

– Нет. Даже очень интересно сравнивать парадоксы вашего детства и нынешнего положения. Вы полностью человек искусства: музыка, живопись... Вы действительно были на Колыме? – Недоверчиво спросил я, не закончив предыдущей мысли.

– Да. Семь лет с гаком. Почти восемь... – Юрий Григорьевич налил в фужер немного вина и отпил. – Действительно парадоксы, так называемой, судьбы. Если она вообще существует. – Он замолчал, углубясь в собственное «я».

Женщины разговаривали между собой в лоджии, не обращая внимания на нас. Темнело. Над морем ветер разорвал тучи и в обрамлении их темного фона проблескивали ультрамариновые пятна неба. Завтра обещало хорошую погоду. Молчание затягивалось и я, как можно мягче, спросил Юрия Григорьевича:

– Вы могли бы продолжить свой рассказ дальше? Как из

вас получился Монте-Кристо?

– Да, конечно. Раз я начал свою исповедь, то должен довести ее до конца. Повторюсь, когда-то надо было решиться на нее, чтобы осознать самого себя, хотя бы частично. И здесь необходим судья. Продолжаю. Слушайте.

2

Когда я закончил восемь классов, то решил поступить в художественное училище, которое было в нашем городе. Родители энергично возражали, все-таки я учился в средней школе неплохо и мог бы без проблем закончить десятилетку, а может быть и с медалью – папа все-таки был директором этой школы и мне ничего не стоило немного поднажать, чтобы выйти в отличники. Хорошистом я был всегда. Но этим я хочу подчеркнуть, что мой папа – директор школы не влиял на мои оценки и не давил на учителей в этом плане. Я был и сам достаточно сообразительным, дисциплинированным учеником и, не пользовался положением отца в отношениях с учителями.

Но мои родители знали мое упрямство, несмотря на внешнюю покладистость и уступчивость. У мамы к этому времени стало еще больше барахлить сердце и она ушла на небольшую пенсию по выслуге лет. Сестра жила отдельно и к этому времени у нее было двое маленьких детей – мои племянница и грудной племянник, которых я очень любил, особенно, когда они стали подрастать. Они с такой же любовью относились ко мне. Но ее мужа я не любил – сначала комсомольского, потом партийного работника. Не нравилось мне двуличие не только его, но и всей категории этих людей. Дома он мог разглагольствовать, что народ надо воспитывать,

окультуривать, как он выражался, а сам через день или каждый день приходил домой пьяным, объясняя сестре пьянки встречей или проводами какой-либо комиссии или делегации. И внушал ей, что он функционер и сам себе не принадлежит. Отец у меня почти не пил, только мог немного позволить себе спиртного в компании с друзьями. Но его никогда не видели пьяным. Я, естественно, брал с него пример и тоже не мог терпеть пьянство. А зять пил по должности, что мне не нравилось. Он мог рассуждать о социалистическом реализме, а сам, если раз в год ходил в наш местный театр, то и хорошо, а художественные выставки или музеи он, кажется, ни разу не посетил, в крайнем случае, пока я жил там. Но он умел рассуждать, как истинный меломан. А это меня просто бесило. Я иногда нарочно доводил его своими безыдейными взглядами до белого каления и он кричал на меня, что все художники не понимают культурных запросов народа. Но тем не менее, он рос по служебной лестнице и достаточно быстро. Но сестру я продолжал любить той же любовью, которая у меня осталась с детства. И она отвечала взаимной сестринской любовью и подсказывала, что делать, с целью избежания мною ошибок в жизни, успокаивала, когда мне было плохо.

Я без проблем поступил в художественное училище. Учился легко и непринужденно – все-таки занимался любимым делом. Это была другая юношеская среда в сравнении со школьной – больше вольностей. Свободное время прово-

дили беззаботно в спорах, походах в ближайшие леса, песнях у костра. Я научился играть на гитаре и хотя лидером в компаниях никогда не был, ко мне тянулись многие сверстники.

Отец, в это время, получил участок земли под дачу и мы с ним вдвоем его застроили – маленький домик, садик, огород. Зять не мог помогать в силу своей занятости с утра до позднего вечера в обкоме партии. А племянники были еще малы. Матери необходимо было больше находиться на свежем воздухе и она с удовольствием копалась в земле. Я разрисовал все стены домика собственными фантазиями и это всем нравилось, кроме партийного зятя, который считал мои картины нереалистичными. Но я к этому времени с ним не спорил – свои фантазии невозможно вложить в чужую голову, которая к тому же их не воспринимает. Но он любил по выходным дням отдыхать на нашей даче. Эта дача с моими картинами сохранилась до сих пор. Сестра сохранила часть моих юношеских художественных произведений, хотя позже, уже без меня, к дачному домику был приделан второй этаж и пришлось внутренние стены ломать. Но сестра все-таки оставила память обо мне в том домике.

Закончив художественное училище я знал, куда пойду учиться дальше – в суриковский институт. Я его выбрал потому, что считал самым лучшим в стране. Я поехал в Москву. Творческий конкурс прошел великолепно, но когда начались экзамены по общеобразовательным предметам, положение изменилось. Там, где я по-моему мнению отвечал на

отлично, в крайнем случае на четверку – мне ставили тройку. Нельзя сказать, что я не готовился к поступлению, наоборот, я знал лучше и побольше некоторых абитуриентов, но был менее удачлив на экзаменах. Потом узнал, как поступают в такие институты, но тогда еще я не знал всей подноготной жизни. По конкурсу я в институт не попал и пожалел о том, что не закончил училище с золотой медалью, а все возможности для этого у меня были. Но я себя успокаивал, что набирают студентов немного, конкурс большой. Рядом со мной поступали в институт не только после армии, но и мужики за тридцать лет и я говорил сам себе – им нужнее, а ты еще успеешь. Когда я забирал в приемной комиссии документы, мне посоветовали отслужить в армии, а потом приходить поступать – отношение к армейцам доброжелательное. Также я познакомился со многими ребятами. Это знакомство с некоторыми продолжилось позже и, к сожалению, несчастливо для меня.

По возвращении домой, отец взял меня к себе в школу учителем рисования, так у меня появился небольшой педагогический стаж. Через два месяца меня призвали в армию. Я шел служить с желанием. Не потому, что так посоветовали мне в суриковском институте, а для того чтобы узнать побольше жизнь. Это необходимо любому художнику – знать жизнь, но конечно не в таком объеме, в котором познал ее я.

Служил в элитных, воздушно-десантных войсках. Здесь я впервые ощутил недостатки и выгоды своей профессии.

После окончания курса молодого бойца, я получил назначение не в боевое подразделение, а в клуб художником или оформителем – кто как называл эту должность. В мои обязанности входило оформление стендов, посвященных авангардной роли партии, добросовестной службе, бдительности и так далее. Серьезной живописной работы не было, если не считать того, что я писал портреты командиров и своих сослуживцев. Но в основном карандашом, реже маслом, да еще делал этюды, чтобы не разучиться технике живописи. Я никогда не был слабым парнем, а в армии еще более физически окреп. Постоянно занимался не только физзарядкой, а вечерами вместе с настоящими десантниками, к которым я благодаря своей профессии художника не относился, занимался со штангой, работал на гимнастических снарядах, участвовал в боевых единоборствах. За два года я накачал мышцы, заимел неплохую фигуру и главное, мог дать отпор любому, посягнувшему на меня. Знание боевых приемов мне пригодилось в дальнейшей борьбе за выживание. Служил я добросовестно, даже съездил раз домой в отпуск. Но все-таки настоящим солдатом я себя не считаю, служба прошла у меня легче, чем у других моих товарищей.

Демобилизовался я из армии в сержантском звании, в начале декабря и передо мной встал вечный для всех вопрос – что дальше? Что делать? Но к тому времени я уже твердо решил – буду снова поступать в суриковский институт. Мои родители отговаривали меня, но я был непреклонен и они

смириться, согласившись, что я уеду от них и буду жить в Москве, готовиться к вступительным экзаменам.

Но Москва встретила меня неприветливо. На только что открывшиеся подготовительные курсы я не успел поступить. Но знакомые мне посоветовали ходить на занятия вольнослушателем, благо это тогда еще разрешалось, что я и сделал. Но встал ребром вопрос – как заработать деньги? А они нужны были на питание, квартиру, оплату занятий и покупки материалов для рисования. Родители мне ежемесячно высылали по пятьдесят рублей, но этого было мало. Я мог бы попросить у них больше и мне бы они не отказали. Но было стыдно жить на попечении старых родителей.

Нас, таких малообеспеченных романтиков, набралось с десяток человек. Жили мы на квартирах, обычно, в частных домиках на окраинах еще той старой Москвы, начала семидесятых годов. Ныне эти деревеньки снесены и на их местах высятся уродливые многоэтажки. Организовали бригаду грузчиков и ходили разгружать вагоны на железнодорожных станциях, работать в речном порту и еще, где придется. Но основными местами приложения нашей физической силы были железная дорога и речной транспорт. Зарабатывали по-разному – от пяти до двенадцати рублей в смену, в зависимости от объема работы. Но тогда и червонец стоил многого, на него можно было жить неделю. Если говорить в сравнении, то я, как и другие мои товарищи, прошли тот же путь известных русских художников. Но те жили при ца-

ризме и им кто-то меценатствовал, а мы при социализме и лезли в творчество сами, без всякой помощи со стороны. Но уныния у меня не было – была жажда жить и заниматься любимым делом.

И вот тут судьба свела меня с одним человеком, который впоследствии сыграл роковую роль в моей жизни, заставил ходить, как говорится, по мукам, в результате чего я стал тем, каким я есть сейчас. Мы познакомились с ним два года назад, когда я первый раз поступал в институт. Фамилия была его Горенков, звали – Эдуард или просто Эдик. Он был москвич, жил с матерью, которая занимала достаточно высокую должность на «Мосфильме», отчим был художником той же студии. Родного отца он, как я понял, практически не знал, тот работал где-то режиссером в провинциальном театре. В эту семью я позже стал вхож и, поэтому знал некоторые подробности их семейной жизни.

Эдик был несколько рафинированным человеком, сухощавым, среднего роста, с постоянно белым, а иногда бледным цветом лица – анемичная личность, которые часто встречаются в кругу людей нашей профессии. Он был со многими знаком, но своих товарищей из студентов держал, как бы на расстоянии, не входя с ними в близкий контакт. Поговаривали, а потом и я убедился, что у него были постоянные и временные женщины, в том числе, молодые актрисы, которым он как-то помогал через свою маму. Он всегда аккуратно и красиво одевался. Поношенных пиджаков и

брюк не терпел, в отличие от нашего разномастного и неряшливого художественного люда. Как я уже сказал, он держался особняком ото всех и если общался с кем-то, то, обычно, по деловым вопросам. Его художественных произведений никто толком не видел, но отзывы старших коллег о его творчестве всегда были высокими. Правда, кто-то утверждал, что его картины слабы и у него нет техники живописца. Другие говорили, что он пишет и настоящие картины, но приберегает их для будущего времени, по идейным соображениям. А в нашей среде такой слух ценился очень высоко – не всем нравился социалистический реализм и художники, работавшие в иных манерах, вызывали уважение. Тем не менее, Эдик во время представлял свои, выполненные в обычной манере работы на суд творческой комиссии и учился без хвостов. Но он учился на третьем курсе, а я вообще непонятно кто еще – еще не абитуриент, но точно не студент. Таким, как я – будущим абитуриентам, разрешалось работать в мастерских института, но после занятий.

Так вот я сошелся с ним, вернее сказать, он приблизил меня к себе. А дело было так. Как-то после полудня, в институте, в свободном от занятий классе, я писал небольшую картину на церковную тематику – обязательное упражнение для студентов. Собственно говоря, это был набросок маслом непонятных пока мне образов святых. И вот тут неожиданно зашел в класс Эдик. Его прихода я немного испугался потому, что еще не был студентом и не имел права находиться в

таком классе. Он, будто не замечая меня, прошелся по классу, что-то искал и потом подошел ко мне.

– Что пишешь? – Осведомился он.

– Да, вот. Тренируюсь в набросках святой старины. – Пошутил я, поняв что моему нахождению здесь ничто не угрожает.

Эдик заинтересованно осмотрел мою картину и спросил:

– А ты иконы пробовал писать?

– Нет.

– А реставрировать?

– Не пробовал. – Снова отрицательно ответил я.

Этим разговор был исчерпан. Эдик, пожелав мне успеха, ушел.

Но через неделю, мне один из товарищей, с которыми я разгружал вагоны и по этой причине несколько дней не появлялся в институте, сказал, что меня спрашивал Эдик Горенков и просит, чтобы я нашел его. На следующий день я разыскал его и он предложил мне встретиться с ним во второй половине дня в неформальной обстановке для серьезного разговора. Я гадал, что ему от меня нужно? Но не мог придумать чего-то такого, чем бы я его мог заинтересовать. Но мне надо было поступить в институт и каждое знакомство я считал для себя важным.

Я дождался окончания занятий Эдика и он повел меня в небольшое полуподвальное кафе, находящееся недалеко от института. Там он заказал по пятьдесят граммов коньяка, а

этот напиток в то время был достаточно дорог, немного закуски и мы выпили. Сначала он вел обычный разговор, который ведут люди каждодневно, если не ежечасно – ни о чем. Потом он заказал еще по пятьдесят граммов коньяка – позже я узнал, что он решая дела никогда не выпивал больше ста граммов. После этой порции он перешел к деловым вопросам:

– Я посмотрел твою иконопись и пришел к выводу, что у тебя получается... – И он замолчал, заинтриговав меня и, польстив такой оценкой, моему самолюбию. Потом, пожевав дольку лимона, спросил. – Я помню, ты поступал к нам до армии. Ты в каких частях служил?

– В десантных.

– Хорошо. Туда берут не каждого. Знаю про спецотбор во флот, пограничники, десантники... – Он снова помолчал, что-то обдумывая но снова пошел в обход. – Родители помогают в жизни? Или приходится подрабатывать?

Как я говорил, родители мне ежемесячно высылали по полста рублей и я ответил:

– Да. Немного помогают. Но приходится еще и подрабатывать. – Я пока не мог понять, куда он клонит свой разговор.

– Пятьдесят рублей неплохо, но для нашего брата мало. Пока у нас с картинками расходов больше, чем доходов. Да, тяжело приходится вам, приедем. Да, еще и неизвестно, поступите ли вы в институт. Год может пропасть зря... А

с ним здоровье, желание заниматься творчеством. – Он посмотрел внимательно на меня голубоватыми глазами и уже спросил более определенно. – А ты не хотел бы заработать по-другому? Например, не разгружая вагонов.

– Конечно бы, хотел. Но, где найти такую работу?

Горенков, судя по его виду был удовлетворен, что разговор пошел по-деловому и я согласен работать, не на разгрузке трюмов вечно стоящего на причале парохода-склада, а делать что-то другое:

– Эта работа связана с живописью. Я присматриваюсь к студентам, которые могут писать под старину, но у большинства из них нет таких навыков и не стараются их приобрести. А тот, у кого получается под старину – обеспеченные, не хотят терять время на пустяковые заработки. Я недавно видел твои работы и понял, хотя ты еще и не студент... – Почему-то подчеркнул Эдик. – Но у тебя получается старина.

– А что я должен конкретно делать?

– Есть организация по реставрации старинных икон и прочего древнего барахла. Ей нужны художники-реставраторы...

– А платят как?

– В зависимости от сложности работы, размера... – Снова неопределенно ответил Эдик. – Меньше червонца за один экземпляр не платят, а иногда и по сотне.

– Можно попробовать. – Согласился я, на еще не конкретное предложение. – А когда мне приступать к работе?

– Ты правильно сказал-попробовать. У тебя может еще не получиться с реставрацией, как уже бывало с некоторыми. Поэтому, у меня к тебе просьба, пока не говори никому ничего об этой работе. Сначала на тебя посмотрят специалисты, а потом видно будет. Может ты еще и не потянешь и стыдно будет говорить об этом другим. Поэтому, пока никому! – Многословно подчеркивал он одну и ту же мысль.

– На нет и суда нет. – Обиделся я в ответ на его предупреждения. – Я не болтливый!

– Знаю. Десантники все такие. – Бросил он мне комплимент. – Значит так. Давай встретимся с тобой в воскресенье утром. Я тебя отведу в реставрационную мастерскую.

Эдик определил место встречи, возле одного из московских метро, в восемь утра. На прощание он предложил мне:

– Может еще выпьешь? Я плачу.

– Нет! Не хочу больше. – Ответил я, никогда не испытывавший большой тяги к алкоголю. – Спасибо, что угостил.

Мы расстались. Я раздумывал над его предложением и терялся в догадках – почему он выбрал именно меня? Вроде бы, ясно. Я уже неплохой художник, но до хорошего пока далеко. Так говорят многие. Почему я соглашаюсь? Одна из причин заработать. Тоже ясно. Другая – я всегда любил познавать все новое и без раздумий хватался за те дела, где еще не попробовал свои силы. А практика в реставрации мне никогда не помешает. Так я решил немного заработать денег. Они были мне необходимы при поступлении, в такой желан-

ный для меня, суриковский институт. Но именно с этого разговора началось мое падение в пропасть.

В воскресенье мы с Эдиком встретились там, где договорились. Было холодно и сыро, наступила весна – стоял март. Он провел меня дворами домов и мы зашли в полуподвальное помещение, которое оказалось мастерской какого-то живописца. Эдик представил меня художнику, назвав его только по имени и отчеству – Леонид Терентьевич. Но Эдик пока еще не сообщил, что это его отчим, об этом я узнал позже. Тот, как истинный художник, сначала показал мне свои последние картины, но их оценки от меня не требовал – молод еще для этого. Потом Леонид Терентьевич объяснил, для чего они реставрируют иконы – по заказу православной церкви, которая им платит за это неплохие деньги. Так он выразился о деньгах. Работы много, специалистов по реставрации мало и надо пользоваться моментом пока есть заказ. Когда же он обратился ко мне со словами:

– Ну, ты как старый десантник, должен понять, что не надо распространяться о нашей работе. – Я понял он обо мне уже многое знает со слов Эдика. – Сам понимаешь, появятся конкуренты, заказов станет меньше, собьют цены. Понятно?

– Да. – Это мне было понятно.

Вообще-то мне такая тайна не совсем нравилась, но я снова успокоил себя тем, что творчество сугубо индивидуальная отрасль деятельности и, обычно, о своих замыслах настоящий художник сильно не распространяется. В мастерской,

я обратил внимание на рабочий порядок – картины разных размеров, недоделанные скульптуры, да обычный хлам из досок, холстов, красок, сопровождающий всю творческую жизнь художника – он и не нужен, но и выбросить жалко. Такой порядок в беспорядке мне всегда нравится-сразу видно, что здесь работает настоящий художник. Чего-то специального для реставрационных работ в мастерской, я не увидел. Леонид Терентьевич словно бы это понял, а он как-то чувствовал все наперед, в этом я позже убедился и сказал:

– Я иногда навожу порядок в мастерской и прячу ненужное в ящики, но все равно многое туда не вмещается. Давай, Юра, я тебе покажу, где все лежит для твоей работы. После окончания работы все укладывай на место. Понятно?

Это слово «понятно» звучало у него постоянно, как бы показывая, что ты должен делать, а что не должен. Леонид Терентьевич раскрыл ящик, достал краски, иссохшиеся древние доски икон, со следами и без следов краски и стал выставлять все прямо на цементный пол. Потом дал мне небольшую иконку со следами многовековой краски по краям и сказал:

– А теперь, прежде чем взяться за работу, посмотри с Эдиком эти книги и альбомы, выбери себе то, что более всего понравится, и за работу. Только не копировать, а писать свое... – Подчеркнул Леонид Терентьевич. – А я займусь своими делами. – Он ушел к своему мольберту и стал продолжать писать какую-то картину.

Мы с Эдиком просидели часа два над альбомами и книгами старинной русской живописи, а их было много в мастерской и выбрали, на первый раз, Георгия Победоносца – в нем много деталей и психологичности большой не требуется, как для лика святого. Леонид Терентьевич, одобрил наш выбор указал мне место за небольшим мольбертом, дал краски и предупредил:

– Юра, только не торопись. Сделаешь мазок – позови меня, чтобы не испортить навсегда доску для иконы. Ведь ей больше трехсот лет. – Подчеркнул он.

Я понял, что работа предстоит упорная и сложная, и халтура не пройдет. Об оплате я и не спросил – оказался полностью нацеленным на работу, которую я был обязан сделать не только ради денег, но и для себя, чтобы доказать – мне и это под силу. Эдик вскоре, попрощавшись ушел, а мы с Леонидом Терентьевичем сидели в мастерской до темна. Он буквально каждые пять минут подходил ко мне, бросая свой мольберт, и подсказывал, как и что лучше делать. Я заметил, что он волновался, наблюдая за моей работой. В тоже же время – это были советы глубоко знающего иконописца художника. До вечера я не справился с работой, но он был мной доволен и когда мы уходили сказал, не скрывая похвалы в мой адрес:

– А у тебя, Юрий, должно получиться. – Он задумался и признался. – Мне нужен хороший помощник. Эдька не способен уловить многого в искусстве, да и в жизни. Поэтому

и картины у него поверхностны. – Но словно опомнившись, сказал. – Но это, десантник между нами. Понятно? – И сделал неожиданное для меня признание. – У меня со зрением стало плохо, не могу отличить некоторых оттенков цветов, особенно на небольших картинах. А раньше мог. Нарушилось цветовое зрение, по-медицински эту болезнь сложно и выговорить. Но это не простой дальтонизм, а хуже. Такая болезнь, обычный спутник нашей профессии. – Горько вздохнул он.

О такой болезни художников я раньше не знал, услышал впервые и почему-то запомнил на всю жизнь. Мы договорились о новой встрече в мастерской и я, в течение двух недель, закончил своего Георгия. Леониду Терентьевичу моя работа понравилась, хоть он и ворчал, что здесь неточно, здесь не так, но икона, выражаясь казенным языком чиновников, была принята. Он сразу же выдал мне двадцать пять рублей. Конечно же, это было немного, но я эти две недели работал не каждый день, да и Леонид Терентьевич мне постоянно помогал. Как учитель он был хорош, но как человек... Но об этом позже.

Леонид Терентьевич дал мне следующую работу. Учил меня смешивать и делать древние краски, придавать рисунку действительно старинный вид. Многому он меня обучил, чего лучше бы и не знать. До лета я таким образом подготовил икон десять, получив в общей сумме более шестисот рублей, по моим подсчетам. Этого должно было хватить для

поступления в институт. Художественная хватка у меня всегда была и я научился писать иконы достаточно быстро и качественно, не отличишь от настоящих.

Я стал вхож в их семью, хотя не злоупотреблял гостеприимством. У них всегда были гости – режиссеры, операторы, актеры и я как-то терялся среди их умных разговоров и бесцеремонности поведения. Узнал я, кое-что об Эдике. Как работник искусства, он не отличался индивидуальностью или, попросту говоря, был слабым художником. Его картины доводил до ума отчим, который был неплохим художником, но достаточно ленивым. Именно он, как я узнал, помог своему пасынку поступить в институт.

Ну, а я пока писал иконы. Не забывал о тренировках в набрасывании этюдов и портретов готовился к новым вступительным экзаменам. Куда идут мои иконы- я не знал и не интересовался, хотя подозревал, что здесь не все чисто. Но я был исполнитель, не более того, и этим себя успокаивал. Как ни как, работал в мастерской, а не где-то по за углами, а это все-таки лучше, чем вообще ничего. Там я писал, кроме икон, и другое для себя. Техническое обеспечение творчества меня удовлетворяло, и я не хотел иметь, пока, ничего иного. Леонид Терентьевич доверял мне ключи от мастерской и я мог пользоваться ею в любое свободное для себя время.

Где-то в июне, в самый разгар подготовки к экзаменам, меня разыскал в мастерской Эдик, когда я там был один. Он

посмотрел мои картины, этюды, вспомнил об иконах, которых в данный момент в мастерской не было, похвалил меня за умение быстро схватывать все новое, а затем, как всегда начал разговор издалека.

– Скоро вступительные экзамены. Как ты себя чувствуешь, уверенно или нет?

– Кажется уверенно. – Ответил я.

– Ожидается большой конкурс. Много, а я уже знаю, будет поступать москвичей. А у них родители или известные, или, в крайнем случае, великие по положению, люди. – Скаламбурил он. – Да и из других городов будут поступать дети именитых отцов. Сложный будет конкурс. – Вздохнув, заключил Горенков.

Я знал ситуацию, складывающуюся накануне вступительных экзаменов и знал, что мне будет сложно поступить в институт. Раз Эдик завел такой разговор, значит неспроста, ему что-то было нужно от меня. Его связи в институте были солидными. И не только в институте, как я понял из общения с его семьей. Он мог помочь мне в поступлении и я ответил, как можно спокойнее:

– Знаю. Будет сложно. Но у меня появились кой-какие связи среди преподавателей. Может помогут.

– Помогут... – Саркастически засмеялся Эдик. – Это пока обещают. А как время подойдет к экзаменам, они тебя узнавать перестанут. Для них главными станут не абитуриенты, а карман. А у тебя в кармане ничего нет. Понятно? А при-

едут такие личности, у которых карманы лопаются от сотенок. Вот с ними и будет вестись серьезный разговор насчет поступления их тупорылых чад. Понял?

– Понял. Но в основном я надеюсь на себя. Денег у меня нет. В этом ты прав. Буду пробиваться, как смогу.

Эдик, удовлетворенный моими словами, которые, видимо, соответствовали его планам, пока ничего не ответил и прошелся по мастерской. Его анемичное, обычно, безразличное ко всему лицо, порозовело – он думал, как бы мне сказать что-то самое главное, ради чего он решил придти сюда.

– Послушай? – Обратился он ко мне. – Хочешь я тебе помогу с поступлением в институт?

– Конечно. Но какие ты можешь дать гарантии?

– Гарантия – это я. Ты меня знаешь, знаешь мою семью, наши связи. Я ж тоже поступил не сам и ты об этом, я уверен, догадываешься?

Я пожал плечами. Обижать его честным ответом не хотелось.

– Если ты окажешь мне одну услугу. – Продолжал он, не дожидаясь моего ответа. – То я тебе тоже помогу. Вернее две услуги – одну мне, а другую, тому, кто будет в приемной комиссии.

Я недолго раздумывая, ответил:

– Согласен. Но только, какие это услуги? По силам ли они мне?

– По силам. Тебе, я смотрю, все по силам. – Эдик, как маятник, забежал по мастерской и уже волнуясь, начал быстро говорить. – Понимаешь ли, я хочу везде быть лучшим, если не первым, то в числе призеров. Мне всегда хочется иметь все лучшее – квартиру, положение, женщину – в общем все. Или почти все. Хочется быть во всем талантливым. Или почти во всем. – Он помолчал, колеблясь говорить ли о самом главном, и решился. – Но к, сожалению, не везде я лучший, не всегда имею лучшую женщину, да и талант художника у меня не высокий. – Он вздохнул. – Видишь, как я самокритичен? – Спросил он меня, но я не ответил. – Собственно говоря ты сам об этом знаешь. – Он снова прошелся по мастерской. – Мои картины, которые надо представлять к экзаменам или на выставки помогает мне доводить до совершенства отчим, Леонид Терентьевич. Он вносит в них реалистичность, подчеркивает образность. Сейчас у меня с ним натянутые отношения... Поссорились из-за женщины. Старый... – Он неуважительным словом назвал своего отчима. – Приревновал меня... Но, ладно, это его дело. Так вот мне нужно доделать картину. У тебя, несомненный талант, это видят все. Леонид Терентьевич не раз и при всех говорил об этом. Видишь, как я объективен? Но твой талант может остаться в тебе и не гарантирует стопроцентного поступления в суриковку. Ты это понимаешь?

– Да. – Ответил я, раздумывая над его словами. Гарантии поступления мне были необходимы. Второй раз я не дол-

жен был провалиться на вступительном экзамене. Это могло означать полный крах моих честолюбивых творческих планов. – А сколько времени займут эти две услуги? Не окажусь ли я потом у разбитого корыта?

– Не окажешься. Если я обещаю – всегда выполняю. Ты меня знаешь? Кажется, тебя ни разу ни в чем не подвел.

– Да. Пока, ты все выполнял, что обещал. – Согласился я с ним. – Но поступление в институт сложное дело – не предложение заработать.

– Объясню тебе все начистоту, а ты сам решай. Мне на курсовую выставку надо представить картину – это обязательство. Я заканчиваю третий курс. Ты это знаешь. Картина у меня почти готова. Ее надо только доделать несколькими мазками. Скажу тебе честно – в нее надо вдохнуть жизнь. Сам я этого не сумею. А мне бы не хотелось выглядеть на выставке подмастерьем. Я уже сказал тебе – хочу быть всегда впереди. Сроки сдачи картины уже вышли, я все обещаю ее представить и не делаю этого. Там работы на день или на неделю, зависит от тебя. Но не больше недели. Сроки поджимают. – Он развел руками. – Если ты согласен на первое предложение, лично для меня, то я потом объясню второе предложение – лично для тебя. Думай?

– Что здесь думать... – Ответил я, все-таки раздумывая, братья за это дело или нет. Но мне хотелось узнать о второй услуге. – Тебе я помогу. А что это за вторая услуга.

Эдуард обрадовано потер ладони друг о друга:

– Для тебя и вторая услуга не будет представлять сложности. Я тебя познакомлю с одним доцентом института. Он коллекционирует иконы. Специализируется на старообрядческих. Если ты ему подготовишь такую икону, он сделает все, чтобы ты поступил в институт. Это будет, как бы плата за твое поступление. Тебе поступление обойдется совсем бесплатно. К тому же он член приемной комиссии. А это, как ты понимаешь, уже гарантия твоего поступления...

Я знал многих преподавателей и поэтому спросил Эдика:

– А кто такой?

– Э-э! Подожди с фамилией. Если ты согласен, то я тебя познакомлю с ним. Но учти, о своем хобби он не распространяется, поэтому здесь нужна большая тайна, как впрочем и все связанное с поступлением. Я убедился – тайну хранить ты можешь. Ну, как?

– Согласен. Но нужна основа, краски, старообрядческие иконы... Мне их надо изучить. – На хапок, я никогда не писал, кроме мгновенных портретов. Все свои картины я вначале тщательно продумывал, делал для них много этюдов и эскизов. Поэтому и сейчас мне требовалось время для изучения старообрядческой иконописи.

– Все это будет! – Довольно потирал руки Горенков. – Главное ты согласен и считай дело в шляпе! Значит так. Немедленно переходим ко мне. Начинаешь дорабатывать мою картину, а завтра я тебя знакомлю с этим доцентом. Договорились?

Я согласился. Выбора у меня, как я понял, не было. А решить стопроцентно вопрос с поступлением было для меня сейчас самым главным. Так я сделал второй шаг на любимом поприще к пропасти. И все позже отлилось мне, без преувеличения, горькими слезами. К этому времени я понимал, что иконы, изготовленные мной не пойдут ни в какую церковь, а отправятся за границу и кто-то получит за них хорошие деньги – в сотни, а может в тысячи раз больше, чем платили мне. Но плохо быть и без денег. Без них ты чувствуешь себя в рабском положении у богатых и изворотливых балбесов. Но меня успокаивала, ставшая уже привычной мысль – я исполняю чужой заказ и больше никуда нос не сую. Быть исполнителем чужой воли гораздо проще – основную тяжесть вины берет себя заказчик, а тебе остаются только угрызения совести. Но позже я понял – угрызения совести не присутствуют в душах богатых и высокопоставленных чинов. Если бы у них совесть присутствовала, то никогда бы они не стали богатыми и не добились бы высокого положения. Аксиома жизни! А в отношении вины – они всегда договорятся с государством. Моральная сторона жизни, типа – абстрактное понятие совести, у них отсутствует.

Эдик сдержал свое слово и на следующий день познакомил меня с доцентом по искусствоведению Валентином Семеновичем. Фамилии своих новых знакомых я пока опускаю. В тот же день он пригласил меня к себе домой и показал свою коллекцию икон. Она была восхитительной. Навер-

ное, не все музеи России могут похвастать такой коллекцией. Здесь была даже икона двенадцатого века, а уж о более поздних, промолчу.

Валентин Семенович дал мне посмотреть репродукции и фотографии старообрядческих икон. Договорились об изображении лика святой богородицы, написанный в стиле шестнадцатого – семнадцатого веков. Валентин Семенович дал гарантии поступления в институт и все время предупреждал меня, о том, что все должно быть между нами, иначе он мне не сможет помочь. Также он намекнул, что знает меня, как мастера по иконам. Видимо, существовала какая-то связь между Леонидом Терентьевичем, Эдиком с одной стороны и Валентином Семеновичем – с другой. Но, несомненно, были и еще кто-то в этой компании, мне неизвестные. Я получил все, если можно так выразиться, полуфабрикаты для выполнения заказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.